

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

**Формальный подход, допущенный
кассационным судом общей юрисдикции
в деле по иску медицинского работника,
переехавшего на работу в сельский населенный
пункт, о предоставлении единовременной
компенсационной выплаты, без учета
особенностей жизненной ситуации, в которой
находится гражданин, привел к нарушению
права гражданина на получение такой меры
социальной поддержки**

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 12 февраля 2024 г. № 63-КГ23-1-К3*

(Извлечение)

М. обратилась в суд с иском к Департаменту здравоохранения, труда и социальной защиты населения субъекта Российской Федерации (далее — Департамент) о признании права на получение единовременной компенсационной выплаты, о признании незаконным отказа в ее предоставлении, об обязании заключить договор на ее предоставление.

В обоснование заявленных исковых требований М. указала, что является медицинским работником, в 2015 году переехала из г. Архангельска в сельский населенный пункт, где непрерывно работает по настоящее время.

18 мая 2015 г. между Департаментом и М. был заключен трудовой договор на один год, по условиям которого М. с 20 мая 2015 г. принята на работу на должность главного врача амбулатории в сельской местности (далее также — медицинское учреждение), 31 марта 2016 г. М. переведена на работу в центральную районную поликлинику.

1 апреля 2016 г. между центральной районной поликлиникой и М. заключен трудовой договор на неопределенный срок, в соответствии с которым М. принята на работу на должность врача-терапевта обособленного подразделения — филиала центральной районной поликлиники — амбулатории сельского населенного пункта. В этот же день с М. также был заключен трудовой договор на неопределенный срок о ее работе в должности заведующей обособленного подразделения — филиала медицинского учреждения — амбулатории сельского населенного пункта.

С 2015 по 2020 год М. неоднократно обращалась в Департамент с заявлениями о предоставлении ей единовременной компенсационной выплаты в размере 1 000 000 руб., предусмотренной ч. 12¹ ст. 51 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации”, в чем М. было отказано по причине того, что она не соответствует условиям для предоставления названной выплаты в 2015 году, поскольку 18 мая 2015 г. с ней был заключен трудовой договор по основной должности главного врача сроком на один год вместо трудового договора на неопределенный срок.

Решением суда первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, признан незаконным отказ Департамента в заключении с М. договора о предоставлении в 2015 году единовременной компенсационной выплаты медицинским работникам, прибывшим или переехавшим в 2015 году на работу в сельский населенный пункт либо рабочий поселок. На Департамент возложена обязанность заключить с М. такой договор. С Департамента в пользу М. взыскана единовременная компенсационная выплата в размере 1 000 000 руб.

Удовлетворяя искивые требования М., суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что М. на момент обращения в 2015 году за единовременной компенсационной выплатой являлась медицинским работником медицинской организации государственной системы здравоохранения, имела высшее медицинское образование, прибыла в 2015 году на работу в сельский населенный пункт из другого населенного пункта — г. Архангельска, т.е. соответствовала перечисленным в Законе критериям, предъявляемым к медицинским работникам для предоставления единовременной компенсационной выплаты, и, следовательно, имела право на предоставление в 2015 году этой выплаты. При этом заключение Департаментом с М. в 2015 году срочного трудового договора не могло служить препятствием для получения М. названной единовременной компенсационной выплаты, принимая во внимание то обстоятельство, что М., начиная с 2015 года, отработала более пяти лет в медицинской организации в сельском населенном пункте и единовременная компенсационная выплата ей до настоящего времени не получена.

Разрешая вопрос о соблюдении М. срока исковой давности обращения в суд с требованием о признании права за ней на получение в 2015 году единовременной компенсационной выплаты, о применении которого заявлено ответчиком, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу, что данный срок истцом не пропущен, поскольку решение об отказе истцу в предоставлении единовременной компенсационной выплаты в виде распоряжения в материалы дела ответчиком не представлено, сведений о направлении истцу таких распоряжений не имеется.

Кассационный суд общей юрисдикции признал выводы судов первой и апелляционной инстанций не соответствующими обстоятельствам дела и сделанными при неправильном применении норм материального и процессуального права, указав на то, что судом первой инстанции юридически значимые для дела обстоятельства в полной мере не определены и не учтено, что при заключении в 2015 году срочного трудового договора М. не могла дать обязательство отработать в сельской местности не менее пяти лет, факт заключения срочного трудового договора не выражал намерение медицинского работника работать постоянно.

Кассационный суд общей юрисдикции также отметил, что заявление Департамента о пропуске М. срока исковой давности всесторонне не рассмотрено, доводы ответчика не проверены и не оценены, мотивы и основания, по которым отклонены доводы ответчика о пропуске истцом срока на обращение в суд, не приведены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 12 февраля 2024 г. признала выводы кассационного суда общей юрисдикции сделанными с существенными нарушениями норм материального и процессуального права по следующим основаниям.

Из подлежащего применению правового регулирования отношений по предоставлению медицинским работникам единовременной компенсационной выплаты, в частности из ч. 12¹ ст. 51 Федерального закона “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации”, следует, что данная выплата носит целевой характер, предоставляется медицинским работникам с целью стимулирования их переезда на работу в медицинские учреждения в сельские населенные пункты, рабочие поселки, поселки городского типа, направлена на закрепление медицинских кадров в сельских населенных пунктах и компенсацию связанных с переездом и обустройством затрат и неудобств, обусловленных менее комфортными условиями проживания по сравнению с иными (не сельскими) населенными пунктами. Эта выплата носит единовременный характер, т.е. предоставляется медицинским работникам, переехавшим на работу в сельские населенные пункты, однократно в течение их трудовой деятельности. При этом законом определены критерии, которым должны соответствовать такие медицинские работники, в целях определения их права на предоставление единовременной компенсационной выплаты.

В 2015 году право на получение единовременной компенсационной выплаты в размере 1 000 000 руб. предоставлялось медицинским работникам в возрасте до 45 лет, имеющим высшее образование, прибывшим в 2015 году на работу в сельский населенный пункт либо рабочий поселок или переехавшим на работу в сельский населенный пункт либо рабочий поселок из другого населенного пункта и заключившим трудовой договор с государственным учреждением здравоохранения субъекта Российской Федерации либо с муниципальным учреждением здравоохранения. Предоставление единовременной компенсационной выплаты также было обусловлено обязанностью медицинских работников отработать в течение пяти лет по основному месту работы в медицинской организации на условиях нормальной продолжительности рабочего времени, установленной трудовым законодательством для данной категории работников, в соответствии с трудовым договором, заключенным медицинским работником с соответствующей медицинской организацией.

Соответственно, исходя из целей и задач государственной политики, направленных на стимулирование переезда медицинских работников на работу в медицинские учреждения в сельские населенные пункты и закрепление медицинских кадров в сельских населенных пунктах, а также правовой позиции Конституционного Суда РФ в делах, в которых гражданин в отношениях с органами публичной власти выступает как слабая сторона, в данном случае в отношениях, связанных с предоставлением единовременной компенсационной выплаты, формальный подход недопустим.

Суды первой и апелляционной инстанций, признавая за М. право на предоставление в

2015 году спорной выплаты, не только применили правовое регулирование об условиях и порядке предоставления в 2015 году медицинским работникам единовременной компенсационной выплаты, но и учли установленные по делу конкретные обстоятельства, а именно: переезд М. в 2015 году на работу в сельский населенный пункт из другого населенного пункта (города); осуществление М. медицинской деятельности по трудовому договору в государственном учреждении здравоохранения субъекта Российской Федерации, начиная с 2015 года по настоящее время, т.е. более пяти лет; принятие М. на работу в медицинское учреждение в мае 2015 г. по заключенному с ней по инициативе Департамента срочному трудовому договору и заключение с М. в марте 2016 г. трудового договора на неопределенный срок. То есть суды первой и апелляционной инстанций объективно подошли к разрешению спора и применению норм права, регулирующих спорные отношения.

Между тем кассационный суд общей юрисдикции не учел установленные судами первой и апелляционной инстанций обстоятельства, формально применил к спорным отношениям нормы права, их регулирующие, допустив при этом еще и существенные нарушения норм процессуального права о полномочиях кассационного суда общей юрисдикции (ст. 390 ГПК РФ), не указав, какие конкретно выводы судов первой и апелляционной инстанций не соответствуют обстоятельствам, имеющим юридическое значение для разрешения заявленных М. требований, и какие конкретно юридически значимые для дела обстоятельства должны были быть определены судами первой и апелляционной инстанций.

Кассационным судом общей юрисдикции также не принято во внимание, что общеправовой принцип справедливости исключает формальный подход и предполагает учет особенностей жизненной ситуации, в которой находится гражданин, что позволяет обеспечить справедливое соотношение прав и законных интересов такого гражданина с правами и законными интересами органа государственной власти.

Вывод кассационного суда общей юрисдикции о том, что заявление Департамента о пропуске М. срока исковой давности судом всесторонне не рассмотрено, противоречит как содержанию решения суда первой инстанции, так и содержанию апелляционного определения суда апелляционной инстанции, в которых приведены мотивы вывода о том, что М. срок исковой давности не пропущен.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции с оставлением в силе решения суда первой инстанции и апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам суда апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Обязанность уплаты страховых взносов с применением пониженных тарифов императивно установлена для субъектов малого предпринимательства и не является льготой, предоставляемой плательщику в заявительном порядке

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 4 марта 2024 г. № 306-ЭС23-25757*

(Извлечение)

По результатам налоговой проверки представленного обществом расчета по страховым взносам за 2020 год налоговый орган привлек общество к ответственности за совершение налогового правонарушения, предусмотренного п. 1 ст. 122 НК РФ, в виде взыскания штрафа и произвел доначисление страховых взносов за 2020 год по совокупному тарифу 30%.

Основанием для принятия указанного решения послужил вывод налогового органа о занижении обществом базы для исчисления страховых взносов за счет исключения из нее сумм выплаченной компенсации за использование работниками личного имущества.

Не согласившись с решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и суда округа, требования общества частично удовлетворены.

Суды исходили из того, что примененный обществом порядок расчета компенсации противоречит законодательству. При этом был отклонен довод общества о том, что налоговым органом при расчете страховых взносов применен неверный тариф страховых взносов, мотивированный тем, что положениями подп. 17 п. 1, п. 21 ст. 427 НК РФ, ст. 6 и ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 102-ФЗ “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 102-ФЗ) для общества как для субъекта малого предпринимательства установлены пониженные тарифы страховых взносов, а именно: налоговым органом страховые взносы доначислены по общеустановленному тарифу (в совокупном размере 30%), тогда как, начиная с апреля 2020 г., предусмотрено применение пониженных тарифов страховых взносов (в совокупном размере 15%).

Кроме того, суд округа отметил, что условием учета при налогообложении права на льготу является наличие формального волеизъявления налогоплательщика о применении льготы, в том числе в налоговой декларации, поэтому у налогового органа отсутствует право самостоятельного перерасчета налоговых обязательств без заявления налогоплательщика о применении льготы.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, рассмотрев 4 марта 2024 г. кассационную жалобу общества, указала следующее.

Согласно п. 2 ст. 87 НК РФ налоговые проверки проводятся в целях контроля за соблюдением налогоплательщиком законодательства о налогах и сборах.

Установленный законодательством о налогах и сборах порядок вынесения решения по результатам налоговой проверки должен обеспечивать надлежащую реализацию прав и законных интересов налогоплательщиков, что по смыслу положений п. 6 ст. 100, п. 4 ст. 101 НК РФ предполагает обязанность руководителя (заместителя руководителя) налогового органа провести всестороннюю и объективную проверку обстоятельств, влияющих на вывод о наличии недоимки (суммы налога, не уплаченной в срок), не ограничиваясь содержанием налоговой декларации, установить действительный размер налоговой обязанности, в том числе при разумном содействии налогоплательщика — с учетом сведений и документов, представленных им с возражениями на акт налоговой проверки и в ходе рассмотрения материалов налоговой проверки.

Таким образом, при оценке законности доначисления налогов по результатам налоговой проверки значение имеет правильность определения недоимки налоговым органом, исходя из обстоятельств, которые были установлены в ходе налоговой проверки и давали основания для уменьшения суммы налога, а также обстоятельств, которые могли быть установлены при добросовестном исполнении своих обязанностей должностными лицами налогового органа и содействии налогоплательщика в их установлении.

В рассматриваемом случае мероприятия налогового контроля проводились в отношении заявителя с целью проверки полноты уплаты страховых взносов. Следовательно, налоговый орган в ходе налоговой проверки должен был установить действительный размер обязательства по уплате страховых взносов с применением надлежащего тарифа, что прямо вытекает из требований ст.ст. 82, 87 и 101 НК РФ.

Налоговая проверка охватывала период 2020 года, и налоговый орган в ходе осуществления контроля был обязан учитывать изменения, внесенные в налоговое законодательство Законом № 102-ФЗ.

Согласно ст. 6 Закона № 102-ФЗ для плательщиков страховых взносов, признаваемых субъектами малого или среднего предпринимательства, в отношении части выплат в пользу физического лица, определяемой по итогам каждого календарного месяца как превышение над величиной минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом на начало расчетного периода, применяются пониженные тарифы страховых взносов.

Действие положений ст. 6 Закона № 102-ФЗ распространяется на правоотношения, возникшие с 1 апреля 2020 г., следовательно, указанные

плательщики страховых взносов применяют пониженные тарифы страховых взносов с установленной даты.

В свою очередь, и налоговые органы, осуществляя соответствующие мероприятия налогового контроля, обязаны руководствоваться действующими в данный период ставками налогов и взносов, поскольку законодательство не предоставляет налогоплательщику (плательщику страховых взносов) право отказаться от установленных законом тарифов, а налоговому органу не предоставлены полномочия по выбору применяемых тарифов в зависимости от его усмотрения.

Таким образом, уплата страховых взносов субъектами, указанными в ст. 6 Закона № 102-ФЗ, с применением соответствующих тарифов, является императивно установленной обязанностью и вопреки позиции налогового органа не является льготой (преференцией), которая предоставляется плательщику в заявительном порядке.

Более того, в случае возникновения спора о применении пониженных тарифов страховых взносов при доначислении недоимки (с учетом положений п. 2 ст. 22 НК РФ) руководитель налогового органа (его заместитель), установив при рассмотрении материалов налоговой проверки, что плательщиком не использовались установленные законодательством пониженные тарифы, не должен уклоняться от уведомления плательщика относительно их наличия, тем самым избирая более обременительный для плательщика вариант определения размера недоимки.

Общество заявляло об ошибочной уплате страховых взносов по тарифу 30% в связи с вступлением в силу изменений в законодательстве, устанавливающих иной, более низкий размер совокупного тарифа (15%) для плательщиков, признаваемых субъектами малого и среднего предпринимательства, подтверждая факт нахождения в соответствующем реестре упомянутых субъектов необходимыми доказательствами.

Указанное обстоятельство не оспаривалось налоговым органом, притом что ведение единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляется самими налоговыми органами (п. 2 ст. 4¹ Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”), и, следовательно, вывод о соответствии плательщика условиям для применения тарифа, предусмотренного ст. 6 Закона № 102-ФЗ, мог быть сделан налоговым органом и самостоятельно, без отдельного упоминания об этом плательщиком страховых взносов.

С учетом изложенного Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. Изъятие земельного участка, находящегося в федеральной собственности и используемого для общественно значимых нужд и обороны государства, в пользу другого публичного правового образования в иных публичных интересах недопустимо

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 23 апреля 2024 г. № 305-ЭС23-23811*

(Извлечение)

За федеральным казенным учреждением Минобороны России закреплено право постоянного (бессрочного) пользования на земельный участок, находящийся в федеральной собственности и занятый сооружениями, необходимыми для обеспечения деятельности Вооруженных Сил РФ.

Распоряжением Государственной компании «Российские автомобильные дороги» (далее — Росавтодор) спорный земельный участок изъят для нужд Российской Федерации в целях строительства автодороги.

Полагая, что оспариваемое распоряжение Росавтодора является незаконным, поскольку спорный объект изъят из гражданского оборота, Минобороны России обратилось в суд с заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды исходили из того, что Росавтодор является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере автомобильного транспорта и дорожного хозяйства. В соответствии с подп. 5.4.1(1) п. 5 Положения о Федеральном дорожном агентстве, утвержденного постановлением Правительства РФ от 23 июля 2004 г. № 374, Росавтодор осуществляет принятие решений об изъятии для федеральных нужд земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества для строительства и реконструкции автомобильных дорог федерального значения, а также о резервировании земель для указанных целей.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 23 апреля 2024 г. отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Статьей 49 ЗК РФ в качестве одного из оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд указано строительство автомобильных дорог федерального, регионального или межмуниципального, местного значения при отсутствии других возможных вариантов строительства этих объектов.

Между тем сторонами данного спора о судьбе земельного участка, относящегося к федеральной собственности, являются Минобороны России и Росавтодор, являющиеся федеральными органами исполнительной власти и преследующие различные цели по его использованию.

Суды, признавая обоснованным оспариваемое распоряжение Росавтодора и отказывая в удовлетворении требования Минобороны России, по существу, согласились с наличием полномочий у одного федерального органа по изъятию земельного участка, находящегося в законном и фактическом владении у другого федерального органа, использующего его для осуществления возложенных на него государственных функций.

Однако Минобороны России в обоснование требования по делу указывало, что изъятие земельного участка, находящегося в федеральной собственности и используемого им для общественно значимых нужд и обороны государства, другим публичным собственником, влечет прекращение использования им для соответствующих первоначальных публичных нужд.

Между тем из совокупного толкования положений ст. 279 ГК РФ, ст.ст. 49, 55 и 63 ЗК РФ усматривается, что установленные ими правила об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд не подлежат применению в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности. Изъятие земельного участка, находящегося в федеральной собственности, используемого для общественно значимых нужд, другим публичным собственником повлекло бы прекращение его использования для соответствующих публичных нужд, что невозможно осуществить в порядке, урегулированном гражданским законодательством. Указанные отношения имеют не гражданско-правовой, а публично-правовой характер.

Данный подход развивает позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Постановлении от 30 июня 2006 г. № 8-П, согласно которой при осуществлении нормативного регулирования в области разграничения государственной собственности федеральный законодатель правомочен отнести объекты государственной собственности к соответствующему уровню (виду) — федеральной собственности или собственности субъектов Российской Федерации, а также установить порядок передачи имущества, в том числе на безвозмездной основе, от одного субъекта публичной власти к другому, что обусловлено особенностями государственной собственности, ее предназначением как экономической основы для осуществления функций государства и реализации полномочий органов государственной власти.

Отказывая в удовлетворении требований Минобороны России, суды исходили из того, что Росавтодор является органом, уполномоченным принимать решения об изъятии для федеральных нужд земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества для строительства и реконструкции автомобильных дорог федерального значения.

Однако суды при этом не учли правовое положение Минобороны России, не исследовали в связи с этим Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства

обороны Российской Федерации”, а также постановления Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 1054 “О порядке высвобождения недвижимого военного имущества Вооруженных Сил Российской Федерации” и от 24 июня 1998 г. № 623 “О порядке высвобождения недвижимого военного имущества войск национальной гвардии Российской Федерации, воинских формирований и органов”.

Таким образом, законодателем установлен особый порядок оборота недвижимого военного имущества, обусловленный исключительными целями его использования.

В связи с этим, разрешая спор, суды не приняли во внимание, что полномочиями собственника федерального военного имущества в случае его высвобождения располагает Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, действующее в соответствии с Положением о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом, утвержденным постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 “О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом”, мнение которого, как федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по управлению федеральным имуществом, не было опрошено.

Исследуя доводы Росавтодора в обоснование необходимости изъятия спорного земельного участка в публичных интересах для реализации проекта по строительству автомобильной дороги, а также довод Минобороны России о необходимости его использования также в публичных целях, связанных с обеспечением обороны и безопасности государства, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отмечает, что суды не уполномочены оценивать степень значимости указанных публичных интересов и считать какой-либо более значимым по отношению к другому.

При этом ссылка Росавтодора на наличие у него полномочий в соответствии со ст. 56² ЗК РФ на принятие оспариваемого судебного акта в спорной ситуации не может быть признана обоснованной. Внесенная в Земельный кодекс РФ глава VIII¹ “Порядок изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд” регламентирует общую процедуру и условия изъятия земельного участка, но при применении которой в каждом случае следует принимать во внимание конкретные обстоятельства, имеющие значение для принятия решения об изъятии.

Кроме того, как указывает Минобороны России, в границах земельного участка имеются объекты недвижимости, а именно — здания и сооружения. Судьба этих объектов в связи с изъятием спорного земельного участка подлежала исследованию и оценке судов, учитывая, что подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ установлено единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Форма 2.1 (ОУ) приложения к порядку ведения, структуре, составу и формам государственного охотхозяйственного реестра, установленным приказом Минприроды России от 28 июля 2021 г. № 519, признана не действующей со дня принятия в той части, в которой данная форма не предусматривает содержания в ней документированной информации о местоположении, границах, принадлежности и состоянии охотничьих угодий

*Решение Верховного Суда РФ
от 13 марта 2024 г. № АКПИ23-1025,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Пунктом 1 приказа Минприроды России от 28 июля 2021 г. № 519 (далее также — Приказ) установлены порядок ведения, структура, состав и формы государственного охотхозяйственного реестра (далее также — Порядок) согласно приложению 1 к данному Приказу.

Данный нормативный правовой акт действует в редакции приказа Минприроды России от 30 октября 2023 г. № 715.

Пунктом 7 Порядка предусмотрено, что раздел 2 государственного охотхозяйственного реестра (далее также — Реестр) содержит документированную информацию о видах, местоположении, границах, принадлежности и состоянии охотничьих угодий по форме 2.1 (ОУ) (далее также — форма 2.1 (ОУ) к Порядку).

Форма 2.1 (ОУ) представлена в виде таблицы, включающей следующие сведения по муниципальным образованиям субъекта Российской Федерации и субъекту Российской Федерации в целом: общая площадь муниципального образования (района, округа) в тыс. га (столбец 3); общая площадь охотничьих угодий, в тыс. га и процентах от общей площади муниципального района (столбцы 4, 5); площадь общедоступных охотничьих угодий, в тыс. га и процентах от общей площади муниципального района (столбцы 6, 7); площадь закрепленных охотничьих угодий, в тыс. га и процентах от общей площади муниципального района (столбцы 8, 9); площадь особо охраняемых природных территорий, в тыс. га и процентах от общей площади муниципального района (столбцы 10, 11); площадь иных территорий, являющихся средой обитания охотничьих ресурсов, в тыс. га и процентах от общей площади муниципального района (столбцы 12, 13).

Организация обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском о признании формы 2.1 (ОУ) недействующей, ссылаясь на ее несоответствие ч. 2 ст. 37 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон об охоте), поскольку она не предполагает включения документированной информации о

видах, местоположении, границах, принадлежности и состоянии охотничьих угодий.

Верховный Суд РФ 13 марта 2024 г. административное исковое заявление удовлетворил частично по следующим основаниям.

Согласно ст. 37 Закона об охоте государственный охотхозяйственный реестр представляет собой систематизированный свод документированной информации (в том числе данных государственного мониторинга охотничьих ресурсов и среды их обитания) об охотничьих ресурсах, об их использовании и сохранении, об охотничьих угодьях, об охотниках, о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях, осуществляющих виды деятельности в сфере охотничьего хозяйства (ч. 1).

Ведение государственного охотхозяйственного реестра осуществляется на основе принципов обеспечения общедоступности и непрерывности актуализации содержащейся в нем документированной информации, сопоставимости такой информации с документированной информацией, содержащейся в других государственных информационных ресурсах (ч. 3).

Под документированной информацией понимается зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию, или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель (п. 11 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”).

Установленный Приказом Порядок определяет структуру, состав, формы и порядок ведения государственного охотхозяйственного реестра, включающего в себя: совокупность реестровых дел; информационные ресурсы Реестра, предусмотренные формами государственного охотхозяйственного реестра, на электронных носителях (электронная база данных Реестра); программную среду, обеспечивающую непрерывность актуализации содержащейся в Реестре документированной информации, администрирование Реестра, сопоставимость такой информации с документированной информацией, содержащейся в других государственных информационных ресурсах (пп. 1, 4).

В соответствии с пп. 14, 16, 17 Порядка ведение Реестра на территории субъекта Российской Федерации осуществляется уполномоченным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации путем формирования реестровых дел (на бумажных носителях) и внесения записей в электронную базу данных Реестра с использованием программной среды, обеспечивающей непрерывность актуализации содержащейся в нем документированной информации, сопоставимости такой информации с документированной информацией, содержащейся в других государственных информационных ресурсах (на электронных носителях).

При ведении Реестра осуществляется обмен информацией с другими государственными ин-

формационными ресурсами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации (п. 22 Порядка).

Согласно подп. 5.2 п. 5 Порядка Реестр состоит из 8 разделов, обеспечивающих систематизацию сведений, содержащихся в нем, в том числе раздел 2 “Документированная информация о видах, местоположении, границах, принадлежности и состоянии охотничьих угодий”.

Из п. 21 Порядка следует, что внесению в государственный охотхозяйственный реестр подлежит документированная информация, предусмотренная ст. 37 Закона об охоте и данным Порядком.

В соответствии с п. 26 Порядка ведение Реестра осуществляется по формам государственного охотхозяйственного реестра.

Пунктом 2 ч. 2 ст. 37 Закона об охоте установлено, что в государственном охотхозяйственном реестре содержится документированная информация о видах, местоположении, границах, принадлежности и состоянии охотничьих угодий.

Оспариваемая форма 2.1 (ОУ) предусматривает указание только наименования и общей площади муниципального образования (района, округа), общей площади охотничьих угодий, площади общедоступных и закрепленных охотничьих угодий, площади особо охраняемых природных территорий, а также площади иных территорий, являющихся средой обитания охотничьих ресурсов, и, несмотря на ее наименование, не содержит разделов для внесения документированной информации о местоположении, границах, принадлежности и состоянии охотничьих угодий.

Таким образом, сопоставление содержания формы 2.1 (ОУ) и п. 2 ч. 2 ст. 37 Закона об охоте не позволяет сделать вывод о том, что оспариваемый акт соответствует акту большей юридической силы.

Вопреки возражениям административного ответчика другие формы государственного охотхозяйственного реестра из утвержденных Приказом, которые бы предусматривали указание результатов описания местоположения и границ охотничьих угодий, их принадлежности и состояния, отсутствуют.

В обоснование заявленного требования административный истец ссылался на то, что форма 2.1 (ОУ) по своему содержанию нарушает его права и законные интересы, поскольку при ее применении в рамках составления схемы размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории субъекта Российской Федерации не обеспечивается фиксация описания границ охотничьих угодий и их площади.

Приказом Минприроды России от 31 августа 2010 г. № 335 утвержден порядок составления схемы размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории субъекта Российской Федерации, согласно которому схема размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории субъекта Российской

Федерации (далее — Схема) является документом территориального охотустройства, осуществляемого в целях планирования в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов и направленного на обеспечение рационального использования и сохранения охотничьих ресурсов и осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства на территории субъекта Российской Федерации (п. 2).

Схема разрабатывается на основе материалов государственного охотхозяйственного реестра, данных государственного мониторинга охотничьих ресурсов и среды их обитания, материалов, отражающих состояние ведения охотничьего хозяйства субъекта Российской Федерации, материалов натурных исследований, лесного плана субъекта Российской Федерации, схем развития и размещения особо охраняемых природных территорий, имеющих ведомственных материалов, картографических материалов, литературных источников, а также материалов аэросъемки и космической съемки поверхности Земли, имеющих давность не более 5 лет на момент составления Схемы и отражающих реальное состояние экосистем (п. 7).

При составлении Схемы материалы о размещении и использовании охотничьих угодий, состоянии численности охотничьих ресурсов и среды их обитания приводятся в форме, обеспечивающей их совместимость с формами государственного охотхозяйственного реестра, государственного мониторинга охотничьих ресурсов и среды их обитания, в части информации, содержащейся в указанных документах (п. 8).

Тем самым Схема разрабатывается в числе прочего на основе материалов государственного охотхозяйственного реестра (представляющего собой согласно ч. 1 ст. 37 Закона об охоте систематизированный свод документированной информации, в том числе данных государственного мониторинга охотничьих ресурсов и среды их обитания) и при ее составлении материалы о размещении и использовании охотничьих угодий приводятся в форме, обеспечивающей их совместимость с формами государственного охотхозяйственного реестра в части информации, содержащейся в нем, что не может быть обеспечено в отсутствие соответствующих актуальных сведений, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 37 Закона об охоте, по форме 2.1 (ОУ).

Пунктом 21 Порядка осуществления государственного мониторинга охотничьих ресурсов и среды их обитания и применения его данных, утвержденного приказом Минприроды России от 27 июля 2021 г. № 512, предусмотрено, что для формирования государственного охотхозяйственного реестра и иных информационных ресурсов о состоянии охотничьих ресурсов и среды их обитания, охотничьих угодий применяются данные государственного мониторинга охотничьих ресурсов и среды их обитания.

Учитывая изложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовле-

творял частично, признал форму 2.1 (ОУ) приложения к порядку ведения, структуре, составу и формам государственного охотхозяйственного реестра, установленным приказом Минприроды России от 28 июля 2021 г. № 519, не действующей со дня принятия в той части, в которой данная форма не предусматривает содержания в ней документированной информации о местоположении, границах, принадлежности и состоянии охотничьих угодий.

2. Пункт 17 Методических указаний по расчету объема принятых (отведенных) поверхностных сточных вод, утвержденных приказом Минстроя России от 17 октября 2014 г. № 639/пр, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 11 апреля 2024 г. № АКПИ24-33,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 27 июня 2024 г. № АПЛ24-231*

3. Оспариваемые частично абз. 1, 2, 5, 7 п. 198, абз. 2 п. 199, абз. 1—9 п. 202, абз. 1 п. 205, пп. 226, 227 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 апреля 2024 г. № АКПИ24-50,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 18 июня 2024 г. № АПЛ24-224*

4. Пункты 3.4.5, 4.1.14 Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденных постановлением Госстроя России от 27 сентября 2003 г. № 170, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 29 февраля 2024 г. № АКПИ23-1131,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 2 июля 2024 г. № АПЛ24-241*

5. Оспариваемый частично п. 251 Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 24 апреля 2024 г. № АКПИ24-135,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 июля 2024 г. № АПЛ24-252*

6. Абзац 4 подп. “а” п. 28 Положения об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2604, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 апреля 2024 г. № АКПИ24-176,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 11 июля 2024 г. № АПЛ24-247*

7. Оспариваемое частично приложение № 2 к Правилам охоты, утвержденным приказом Минприроды России от 24 июля 2020 г. № 477, признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 24 апреля 2024 г. № АКПИ24-75,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 11 июля 2024 г. № АПЛ24-248*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Завладение чужим имуществом при отсутствии у виновного корыстной цели не может быть квалифицировано как грабеж

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 13 сентября 2022 г. № 38-УД22-15-К1*

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда Тульской области от 29 апреля 2021 г. Н. осужден по п. “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ.

В апелляционном порядке уголовное дело не рассматривалось.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 декабря 2021 г. приговор оставлен без изменения.

Н. признан виновным в открытом хищении имущества Л., совершенном с применением насилия, не опасного для здоровья потерпевшего.

В кассационной жалобе осужденный указал на то, что, по его мнению, судом вынесен несправедливый приговор, назначенное наказание не соответствует общественной опасности содеянного, данные, характеризующие его личность, не были учтены.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 сентября 2022 г. отменила приговор и кассационное определение в отношении Н., уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение, отметив следующее.

Согласно приговору Н. увидел припаркованный около дома принадлежащий Л. автомобиль, на лобовом стекле которого был установлен автомобильный видеорегистратор с картой памяти. Реализуя возникший умысел на хищение имуще-

ства с применением к владельцу насилия, не опасного для здоровья, Н. подошел к указанному автомобилю, открыл водительскую дверь и, нанеся сидевшему за рулем Л. множественные удары, снял видеорегистратор стоимостью 3099 руб. с картой памяти стоимостью 290 руб., после чего стал их удерживать при себе, тем самым похитив это имущество. При попытке Л. пресечь завладение его имуществом Н. с целью удержания похищенного нанес потерпевшему неуставленным предметом удар по голове, а также не менее двух ударов ногой по ногам Л.

Свои выводы суд сделал, основываясь, в частности, на показаниях Н., потерпевшего Л. и свидетеля С.

Между тем в этих показаниях отсутствуют данные, указывающие на наличие у Н. умысла на хищение видеорегистратора и на то, что в своих действиях он руководствовался корыстной целью.

Согласно показаниям Н. умысел на завладение с корыстной целью видеорегистратором и картой памяти, принадлежащими Л., у него отсутствовал. Карту памяти он намеревался изъять для предъявления сотрудникам ГИБДД в целях защиты от обвинения его со стороны Л. в угрозе преднамеренного наезда и с целью доказать нарушение Л. правил дорожного движения.

В подтверждение этих показаний Н. указывал, что, изъяв карту памяти, он сразу же вернул видеорегистратор владельцу, бросив в его сторону.

Данные сведения согласуются с показаниями потерпевшего Л. и свидетеля С., сообщивших, что Н., после того как сорвал с лобового стекла автомобиля видеорегистратор и изъял из него карту памяти, бросил видеорегистратор в сторону Л., который поднял его и с места происшествия уехал. Л. показал, что Н. предъявлял ему претензию по поводу фотографирования, а также, демонстрируя карту памяти, высказывал угрозу: “Сейчас мы тебя будем судить!” — за то, что потерпевший, со слов Н., чуть не сбил на своей машине Н. и его двоюродного брата.

При этом ни Н., ни Л., ни С. не привели в своих показаниях фактов, свидетельствующих о намерении Н. обратиться видеорегистратор с картой памяти в свою собственность.

Суд при постановлении приговора исходил из самого факта изъятия Н. видеорегистратора из автомобиля Л., не дал оценку обстоятельствам, предшествовавшим преступному событию, поведению Л., вызвавшему у Н. недовольство и ответное агрессивное поведение по отношению к потерпевшему, указанным выше показаниям подсудимого, потерпевшего и свидетелей в их сопоставлении.

Между тем результатом такой оценки могли бы стать иные выводы суда относительно обстоятельств явившегося предметом судебного разбирательства события, в частности, цели и мотива поведения Н. и квалификации инкриминируемых ему действий, поскольку согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 “О судебной практике по де-

лам о краже, грабеже и разбое” противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, не образуют состава кражи или грабежа.

Допущенные судом при рассмотрении уголовного дела и постановлении приговора существенные нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, выразившиеся в несоблюдении установленного законом порядка проверки и оценки доказательств при принятии решения по уголовному делу, повлияли на исход уголовного дела в части, касающейся уголовно-правовой квалификации содеянного осужденным¹.

2. Сообщение задержанным за покушение на убийство о месте нахождения пистолета и боеприпасов к нему признается добровольной выдачей оружия и влечет освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222 УК РФ

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 ноября 2022 г. № 10-УД22-10-К6

(Извлечение)

По приговору Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 12 мая 2021 г. Т. осужден по ч. 1 ст. 222 и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 1 июля 2021 г. приговор изменен, помимо прочего, в части осуждения Т. по ч. 1 ст. 222 УК РФ исключено указание о незаконном хранении огнестрельного оружия и боеприпасов.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 апреля 2022 г. судебные решения изменены: в части осуждения Т. по ч. 1 ст. 222 УК РФ исключено указание на незаконное приобретение огнестрельного оружия и боеприпасов; в судебные решения внесены и иные изменения.

С учетом внесенных в приговор изменений Т. признан виновным в незаконном ношении огнестрельного оружия и боеприпасов и в покушении на убийство потерпевшего.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов Т. указывал, что состоявшиеся судебные решения незаконны и необоснованны; в частности, настаивал на том, что у Т. отсутствовал умысел на ношение огнестрельного оружия и боеприпасов.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 10 ноября 2022 г. в части осуждения Т. по ч. 1 ст. 222 УК РФ отменила судебные решения и прекратила производство по делу в соответствии с п. 1 примечаний к этой статье по следующим основаниям.

Согласно п. 1 примечаний к ст. 222 УК РФ лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в названной статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье.

В соответствии с разъяснениями, приведенными в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств”², под добровольной сдачей огнестрельного оружия и иных предметов, указанных в ст. 222 УК РФ, следует понимать их выдачу лицом по своей воле или сообщение органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения этих предметов. Добровольность сдачи оружия оценивается применительно к конкретным обстоятельствам дела. При этом надлежит иметь в виду, что закон не связывает выдачу с мотивом поведения лица, а также с обстоятельствами, предшествовавшими ей или повлиявшими на принятое решение. В случае добровольной сдачи указанных предметов лицо освобождается от уголовной ответственности по ст. 222 УК РФ независимо от привлечения его к ответственности за совершение иных преступлений.

Указанные требования закона и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ судами первой и последующих инстанций по данному делу не учтены.

Как следует из материалов дела, после выстрела в потерпевшего в помещении спортивного клуба “Боец” Т. оставил там пистолет и боеприпасы, которые в тот же день были обнаружены и изъяты сотрудниками полиции.

Согласно показаниям свидетеля С.В. он по просьбе Т. со своего телефона позвонил по номеру 112 и сообщил об огнестрельном ранении С., попросил Т. положить пистолет на стойку администратора, что тот и сделал. До приезда сотрудников полиции Т. пистолет забрать не пытался.

Из оглашенных в судебном заседании показаний Т., данных им в ходе предварительного следствия, усматривается, что, когда его забирали сотрудники полиции из спортивного клуба “Боец”, пистолет он оставил на столе.

Указанные выше показания согласуются со сведениями из протокола от 13 января 2021 г. о том, что в полицию от С.В. поступило сообщение о пулевом ранении, а также из рапорта сотрудника полиции, проводившего задержание, о том, что Т. по прибытии полиции на место происшествия в спортивный клуб показал рукой на пистолет, лежавший на стойке администратора, и пояснил, что выстрелил в человека.

Согласно протоколу явки Т. с повинной от 13 января 2021 г., выстрелив из пистолета в своего знакомого, испугавшись за его жизнь, он вызвал скорую помощь и полицию, прибывшим сотрудникам которой выдал пистолет.

¹По приговору Ленинского районного суда Тульской области от 7 ноября 2022 г. Н. осужден по ч. 2 ст. 330 УК РФ.

²Пункт 19 в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2019 г. № 15.

Из протокола осмотра места происшествия следует, что на стойке администратора в спортивном клубе обнаружено огнестрельное оружие с глушителем и патронами, которые были изъяты.

Таким образом, в ходе судебного следствия нашли свое подтверждение сведения о том, что Т. после выстрела из пистолета в С. добровольно сообщил правоохранительным органам как о причинении огнестрельного ранения потерпевшему, так и о местонахождении оружия, из которого был произведен выстрел, т.е. фактически выдал его сотрудникам полиции.

Оценивая доказательства, суд установил факт добровольной выдачи Т. пистолета, а также боеприпасов к нему и признал данное обстоятельство смягчающим наказание; но в нарушение положений ст. 299 УПК РФ не разрешил вопрос о возможности освобождения Т. от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, в соответствии с п. 1 примечаний к этой статье.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Оставление судом без внимания положений Общей части Уголовного кодекса РФ об обратной силе уголовного закона, улучшающего положение лица, совершившего преступление, повлекло изменение приговора в части зачета времени содержания под стражей в срок лишения свободы

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 19 июня 2024 г. № 222-УД24-37-А6*

(Извлечение)

По приговору 2-го Западного окружного военного суда от 11 мая 2023 г., с учетом изменений, внесенных апелляционным определением апелляционного военного суда от 28 августа 2023 г., И., ранее судимый, осужден по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ) к лишению свободы на срок шесть лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

На основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний, назначенных по данному приговору и приговору Таганского районного суда г. Москвы от 23 декабря 2015 г., окончательное наказание И. назначено в виде лишения свободы на срок восемь лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

В срок наказания зачтено отбытое им наказание по приговору от 23 декабря 2015 г. в период с 23 сентября 2015 г. по 22 марта 2019 г. из расчета один день за один день отбывания наказания.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассмотрев 19 июня 2024 г. дело по кассационной жалобе защитника осужденного, судебные решения изменила, зачла в срок наказания, назначенного И., время

содержания под стражей с 23 сентября 2015 г. по 14 апреля 2016 г. из расчета один день за полтора дня отбывания наказания.

При определении И. окончательного наказания в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ суд апелляционной инстанции зачел в срок отбытого им наказания по приговору от 23 декабря 2015 г. весь период с 23 сентября 2015 г. по 22 марта 2019 г.

Однако суд не учел, что Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ в ст. 72 УК РФ были внесены изменения, согласно которым названная статья дополнена ч. 3¹, определяющей, что время содержания лица под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Как усматривается из приговора Таганского районного суда г. Москвы от 23 декабря 2015 г., И. осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ к трем годам шести месяцам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима. Срок отбывания наказания осужденному исчислялся с зачетом времени задержания и содержания под стражей по данному делу, т.е. с 23 сентября 2015 г. по 14 апреля 2016 г. — день вступления приговора в законную силу. Следовательно, указанный период времени И. находился под стражей, после чего отбывал назначенное ему наказание до освобождения из колонии 22 марта 2019 г.

В силу ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение — в отмене квалифицирующего признака преступления, снижении нижнего и (или) верхнего пределов санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, изменении в благоприятную для осужденного сторону правил Общей части данного Кодекса, касающихся назначения наказания, или в чем-либо ином. При приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом — независимо от того, в какой процессуальной стадии решается данный вопрос, — подлежат применению все установленные Уголовным кодексом РФ в редакции этого закона правила, как общие, так и специальные, в соответствии с которыми вопрос о наказании разрешается при постановлении приговора (п. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П).

С учетом изложенного время содержания И. под стражей по предыдущему приговору надлежало исчислять в порядке, предусмотренном ч. 3¹ ст. 72 УК РФ, т.е. из расчета один день за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима, что судами обеих инстанций при рассмотрении настоящего уголовного дела сделано не было.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Если потерпевшим по уголовному делу является несовершеннолетний, гражданский иск в защиту его интересов может быть предъявлен законным представителем. В таком случае взыскание производится в пользу самого несовершеннолетнего

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 11 июня 2024 г.*

(Извлечение)

По приговору Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 6 сентября 2023 г., оставленному без изменения апелляционным определением Южного окружного военного суда от 24 ноября 2023 г., А. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных пп. “а” и “б” ч. 3 ст. 131, пп. “а” и “б” ч. 3 ст. 132 УК РФ.

Судом частично удовлетворен гражданский иск законного представителя потерпевшей С. — С.А. о компенсации причиненного преступлением морального вреда, и в его пользу с осужденного взыскана сумма в размере 1 000 000 руб.

Рассмотрев 11 июня 2024 г. дело в том числе по кассационной жалобе представителя потерпевшей, кассационный военный суд судебные решения изменил: исключил из резолютивной части приговора указание на взыскание с А. в

пользу С.А. в качестве компенсации морального вреда сумму в размере 1 000 000 руб. и взыскал с А. эту сумму в качестве компенсации морального вреда в пользу потерпевшей С. В обоснование приведены следующие доводы.

Согласно приговору А. признан виновным в том, что 27 декабря 2023 г., угрожая несовершеннолетней С. применением насилия и применяя его, а также угрожая убийством, изнасиловал С. и совершил с ней насильственные действия сексуального характера, что повлекло причинение тяжкого вреда ее здоровью — возникновение психического расстройства.

В соответствии с ч. 3 ст. 44 УПК РФ гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних может быть предъявлен их законными представителями или прокурором.

Как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в п. 3 постановления от 13 октября 2020 г. № 23 “О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу”, если потерпевшим по уголовному делу является несовершеннолетний, гражданский иск в защиту его интересов может быть предъявлен законным представителем. В таком случае взыскание производится в пользу самого несовершеннолетнего.

С учетом изложенного решение суда о взыскании с А. денежной компенсации морального вреда в пользу представителя потерпевшей на закон не основано.

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ПО ПЕНСИОННЫМ СПОРАМ

Верховным Судом РФ проведено изучение практики рассмотрения судами в 2016—2023 годах и первом полугодии 2024 года дел по пенсионным спорам.

Как следует из представленных на изучение материалов судебной практики, в судах рассматривались дела по искам граждан, связанным с реализацией права на назначение и выплату пенсий, и прокуроров в интересах граждан: о признании права и обязанности назначить страховую пенсию (по старости, в том числе досрочно, по инвалидности, по случаю потери кормильца); о включении периодов работы и (или) иной деятельности в страховой стаж, в специальный стаж; об установлении факта нахождения на иждивении кормильца члена его семьи для назначения страховой пенсии по случаю потери кормильца; о перерасчете размера страховой пенсии; об устранении нарушений законодательства об обязательном пенсионном страховании и понуждении работодателя представить в Фонд пенсионного и социального страхования РФ (с 1 января 2023 г. — Социальный фонд России) сведения для индивидуального (персонифицированного) учета; об отмене решения пенсионного органа об удержании из пенсии денежных средств; об оспаривании решения пенсионного органа о снижении размера пенсии, о прекращении выплаты пенсии и др.

Судами также рассматривались дела по искам пенсионных органов о взыскании сумм излишне выплаченной пенсии.

Разрешая вопрос о подсудности дел по пенсионным спорам, суды руководствовались ст.ст. 23, 24, 28 и 29 ГПК РФ. Иски лиц по делам, связанным с реализацией права на назначение и выплату пенсий, рассматривались районными судами как по месту нахождения территориального органа Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации) (ст. 28 ГПК РФ), так и по месту нахождения обособленного подразделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (клиентской службы (на правах отдела), клиентской службы (на правах группы), которой осуществляется прием соответствующих заявлений (документов) пенсионеров и граждан, претендующих на назначение пенсии) (ч. 2 ст. 29 ГПК РФ).

При рассмотрении дел по пенсионным спорам суды руководствовались, в частности:

Конституцией Российской Федерации;

Трудовым кодексом РФ;

Гражданским процессуальным кодексом РФ;

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях”;

Федеральным законом от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”;

Федеральным законом от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ “Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования”;

Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации”;

Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”;

Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”;

другими федеральными законами и нормативными актами.

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судами дел по пенсионным спорам и принимая во внимание, что судами по отдельным категориям этих споров допускаются ошибки, для их устранения необходимо обратить внимание на следующие правовые позиции.

1. При обращении гражданина в пенсионный орган по вопросу установления страховой пенсии, независимо от формы такого обращения (устное или письменное обращение), пенсионный орган должен зарегистрировать это обращение в журнале регистрации заявлений и разъяснить гражданину его права, связанные с пенсионным обеспечением.

В случае невыполнения пенсионным органом названной обязанности, приведшего к несвоевременному обращению гражданина, имеющего право на страховую пенсию, в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии, такой гражданин имеет право на выплату недополученных сумм страховой пенсии за прошедшее время без ограничения каким-либо сроком.

П. обратилась в суд с иском к пенсионному органу, в котором просила обязать пенсионный орган выплатить ей страховую пенсию по старости с 1 февраля 2017 г. (дня возникновения права на страховую пенсию).

В обоснование заявленных требований П. указала, что является многодетной матерью, по достижении 30 января 2017 г. возраста 55 лет она обратилась в пенсионный орган за назначением страховой пенсии по старости, представила трудовую книжку, подтверждающую ее трудовой стаж с 1 января 1997 г. по 26 декабря 1999 г., а также пояснила специалисту пенсионного органа, что трудовая книжка, подтверждающая ее трудовой стаж в период с 1983 по 1993 год ею была утеряна, вместе с тем она знает о месте нахождения прежнего работодателя, в адрес которого необходимо сделать запрос относительно периода ее трудовой деятельности. Однако работники пенсионного органа отказались запрашивать необходимые сведения и отказали П. в назначении страховой пенсии по старости в связи с недостаточностью страхового стажа.

С 2017 по 2020 год П. неоднократно обращалась в пенсионный орган за назначением страховой пенсии по старости, в установлении которой ей было отказано.

В 2020 году П. получила от работодателя (акционерного общества) справку, подтверждающую период ее работы с 1983 по 1993 год. Указанную

справку П. представила в пенсионный орган, после чего с 17 августа 2020 г. ей назначена страховая пенсия по старости.

П. считает, что она незаконно была лишена права на пенсионное обеспечение со дня достижения возраста 55 лет, поскольку на эту дату имела достаточный страховой стаж для назначения страховой пенсии по старости и обращалась до этой даты в пенсионный орган.

Разрешая спор и отказывая П. в удовлетворении исковых требований о возложении на пенсионный орган обязанности выплатить страховую пенсию по старости с даты ее первоначального обращения за назначением страховой пенсии по старости по дату назначения такой пенсии, суд первой инстанции исходил из того, что представление документов о трудовом стаже является обязанностью заявителя (гражданина, обратившегося с заявлением о назначении страховой пенсии по старости), страховая пенсия по старости назначается пенсионным органом с даты обращения лица, претендующего на ее назначение, с заявлением о назначении такой пенсии и приложением к этому заявлению всех необходимых документов. П. в материалы дела не представлено доказательств обращения в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости ранее 17 августа 2020 г., а также доказательств ее обращения в пенсионный орган с заявлением о содействии в истребовании документов, подтверждающих ее трудовой стаж, в связи с чем суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии правовых оснований для удовлетворения иска. При этом суд первой инстанции отметил, что в рамках проведения заблаговременной работы администрацией сельсовета района (по месту жительства П.) были направлены в пенсионный орган документы, представленные П. (паспорт, трудовая книжка, свидетельства о рождении детей).

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального или процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций, а также кассационного суда общей юрисдикции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Из положений ст.ст. 7, 39 Конституции Российской Федерации, Федерального закона “О страховых пенсиях” о целях и предмете регулирования этого Федерального закона (ст. 1), о периодах работы и (или) иной деятельности, включаемых в страховой стаж (ст.ст. 11, 14), о порядке установления страховой пенсии и сроках ее назначения (ст.ст. 21, 22, 26) следует, что назначение и выплата страховой пенсии по старости осуществляется пенсионными органами, которые при выполнении обязанности по реализации социальной политики Российской Федерации в области государственного пенсионного обеспечения и исполнении положений пенсионного законодательства должны соблюдать государственные гарантии по обеспечению прав граждан в области пенсионного обеспечения в целях защиты их прав на страховую пенсию с учетом особого ее значения для поддержания ма-

териальной обеспеченности и удовлетворения основных жизненных потребностей пенсионеров.

В рамках исполнения этих обязанностей пенсионный орган при обращении гражданина по вопросу установления пенсии независимо от формы обращения (телефонный звонок, устное обращение, письменное обращение) должен зарегистрировать такое обращение в журнале регистрации заявлений и разъяснить гражданину его права, связанные с пенсионным обеспечением, а именно: имеет ли он право на получение пенсии; о нормативных правовых актах, регулирующих вопросы назначения пенсии (основания и условия назначения пенсии): о документах, необходимых для оценки его права на назначение пенсии; о подаче заявления о назначении пенсии в письменном виде по соответствующей форме, а при рассмотрении документов, представленных для установления пенсии, дать оценку документам, представленным гражданином, содержащимся в них сведениям, запросить документы (сведения), находящиеся в распоряжении иных государственных органов, органов местного самоуправления либо подведомственных государственным органам или органам местного самоуправления организаций, в случае если такие документы не были представлены заявителем по собственной инициативе.

Решение по вопросу установления страховой пенсии пенсионный орган должен принимать, соблюдая права гражданина на пенсионное обеспечение, на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех представленных гражданином и полученных самим пенсионным органом документов.

Таким образом, при обращении гражданина в пенсионный орган по вопросу назначения ему страховой пенсии по старости в связи с достижением возраста, дающего право на такую пенсию, независимо от формы обращения (в устной или в письменной форме) на пенсионный орган возложена обязанность разъяснять гражданину его права и обязанности, связанные с пенсионным обеспечением, в частности о том, имеет ли гражданин право на получение страховой пенсии, о подаче заявления о назначении страховой пенсии в письменном виде по соответствующей форме, о документах, необходимых для установления страховой пенсии и оценки его пенсионных прав, а также уведомлять гражданина об этих обстоятельствах по установленной форме.

В случае невыполнения пенсионным органом названной обязанности, приведшего к несвоевременному обращению гражданина, достигшего возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, в пенсионный орган с заявлением установленной формы о назначении страховой пенсии по старости, указанное лицо применительно к ч. 2 ст. 26 Федерального закона «О страховых пенсиях» имеет право на выплату недополученных сумм страховой пенсии по старости за прошедшее время без ограничения каким-либо сроком. В противном случае будут нарушены государственные гарантии в области пенсионного обеспечения граждан.

Суды первой и апелляционной инстанций указанные нормативные положения не применили, ошибочно полагая имеющим значение для дела только факт подачи П. в пенсионный орган письменного заявления о назначении страховой пенсии по старости, и не учли, что требования П. о возло-

жении на пенсионный орган обязанности выплатить ей страховую пенсию по старости за прошедшее время, т.е. с момента первоначального обращения в пенсионный орган по вопросу пенсионного обеспечения, связаны с тем, что она была лишена права получить страховую пенсию по старости с даты достижения возраста 55 лет по вине пенсионного органа, который не разъяснил ей пенсионные права при ее неоднократных обращениях в пенсионный орган по этому вопросу, в том числе и до даты достижения возраста 55 лет через сельсовет по месту жительства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ обратила внимание на то, что по настоящему делу юридически значимым являлось установление того, были ли пенсионным органом по обращениям П., в том числе через сельсовет района, которым документы П. были направлены в пенсионный орган, совершены действия, предусмотренные Административным регламентом¹, а именно: регистрировались ли обращения П.; разъяснялись ли П. права, связанные с пенсионным обеспечением, в том числе о том, какие документы необходимо представить в пенсионный орган для оценки пенсионных прав и назначения страховой пенсии по старости, о необходимости подачи заявления о назначении пенсии по установленной форме; какая работа была проведена по документам П., направленным в пенсионный орган сельсоветом района; направлялось ли П. пенсионным органом соответствующее уведомление с перечнем недостающих для назначения страховой пенсии по старости документов и разъяснением о возможности предоставления таких документов в сроки, предусмотренные законом (не позднее чем через три месяца со дня получения соответствующего разъяснения пенсионного органа).

Судами первой и апелляционной инстанций названные обстоятельства в качестве юридически значимых определены не были, предметом исследования и оценки не являлись.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала не соответствующим закону вывод судебных инстанций о том, что не имеется предусмотренных действующим законодательством оснований для удовлетворения исковых требований П., в связи с чем отменила принятые по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

*(Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 10 июля 2023 г. № 39-КГ23-7-К1)*

¹Административный регламент предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации государственной услуги по установлению страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению утвержден приказом Минтруда России от 19 января 2016 г. № 14н. Постановлением Правления Пенсионного фонда РФ от 23 января 2019 г. № 16п утвержден новый Административный регламент предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации государственной услуги по установлению страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению, содержащий аналогичное правовое регулирование административных процедур при обращении гражданина за назначением пенсии.

2. Пенсионный орган обязан разъяснить гражданину, обратившемуся с заявлением о назначении страховой пенсии с приложением не всех необходимых для этого документов, какие документы ему следует представить дополнительно. Если эта обязанность пенсионным органом не исполнена, что повлекло отказ в назначении страховой пенсии, суд вправе обязать пенсионный орган выплатить гражданину, предоставившему при повторном обращении недостающие документы, страховую пенсию со дня его первоначального обращения.

А. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании за ней права на получение страховой пенсии по старости в соответствии со ст. 8 Федерального закона “О страховых пенсиях” со дня первоначального обращения с заявлением о ее назначении — с 15 августа 2017 г. и об обязанности произвести перерасчет страховой пенсии по старости за период с 15 августа 2017 г. по 8 августа 2018 г.

В обоснование заявленных требований А., 1962 года рождения, указала, что 15 августа 2017 г. она обратилась к ответчику с заявлением о назначении страховой пенсии по старости в соответствии со ст. 8 Федерального закона “О страховых пенсиях”, приложив необходимые для установления страховой пенсии документы, в том числе свидетельства о рождении детей — П. и В. Свидетельства о рождении детей пенсионный орган не принял к рассмотрению, ссылаясь на то, что заявителем не представлены документы, подтверждающие достижение детьми возраста полутора лет, и не включил в ее страховой стаж, необходимый для назначения страховой пенсии по старости, период по уходу за детьми.

В связи с тем, что пенсионный орган определил страховой стаж А. общей продолжительностью 5 лет 8 месяцев 12 дней при требуемом стаже не менее 8 лет, решением руководителя пенсионного органа от 14 ноября 2017 г. А. отказано в установлении страховой пенсии по старости из-за отсутствия у нее требуемого страхового стажа.

После повторного обращения А. 8 августа 2018 г. в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости ей назначена пенсия с этой даты.

По мнению истца, в силу положений ст.ст. 21, 22 Федерального закона “О страховых пенсиях” пенсионный орган обязан был самостоятельно запросить дополнительные документы в соответствующих органах и организациях либо разъяснить ей как лицу, обратившемуся за назначением страховой пенсии по старости, какие документы необходимо дополнительно представить, однако не исполнил возложенную на него законом обязанность, в результате чего необоснованно отказал в установлении А. страховой пенсии по старости со дня первоначального обращения за пенсией — с 15 августа 2017 г.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что оценка пенсионных прав А. на момент ее первоначального обращения в пенсионный орган (15 августа 2017 г.) произведена с учетом представленных ею документов. Несмотря на то, что истцом представлены свидетельства о рождении детей, периоды ее нахождения в отпуске по уходу за детьми до достижения ими возраста полутора лет не включены пенсионным органом в ее страховой стаж при первоначальном обращении,

поскольку ею не были представлены доказательства достижения детьми возраста полутора лет.

Суд первой инстанции не принял во внимание доводы А. о том, что пенсионный орган не разъяснил ей право предоставить и не истребовал от нее недостающие документы, указав, что оценка пенсионных прав производится на основании документов, имеющихся в распоряжении органа, осуществляющего пенсионное обеспечение; назначение пенсии носит заявительный характер; дополнительные документы А. представила в пенсионный орган при повторном обращении, они были приняты пенсионным органом, и страховая пенсия по старости назначена ей с даты повторного обращения с учетом представленных документов, а потому не имеется оснований для возложения на ответчика обязанности выплатить А. неполученную пенсию за период с 15 августа 2017 г. по 8 августа 2018 г.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с нарушением норм процессуального права ввиду следующего.

Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона “О страховых пенсиях” (в редакции, действовавшей на дату первоначального обращения А. в пенсионный орган) право на страховую пенсию по старости (далее также — пенсия) имеют мужчины, достигшие возраста 60 лет, и женщины, достигшие возраста 55 лет¹.

Необходимая для назначения страховой пенсии по старости продолжительность страхового стажа в 2017 году составляла 8 лет.

Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1015 утверждены Правила подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий. В соответствии с п. 29 этих Правил период ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет подтверждается документами, удостоверяющими рождение ребенка (свидетельство о рождении) и достижение им возраста полутора лет (паспорт, свидетельство о браке, свидетельство о смерти, документы работодателя о предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет и другие документы, подтверждающие необходимые сведения).

Пунктом 3 ч. 1 ст. 12 Федерального закона “О страховых пенсиях” установлено, что в страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности, которые предусмотрены ст. 11 данного Закона, засчитывается период ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет, но не более шести лет в общей сложности.

¹Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ, вступившим в силу с 1 января 2019 г., ч. 1 ст. 8 Федерального закона “О страховых пенсиях” изложена в следующей редакции: “Право на страховую пенсию по старости имеют лица, достигшие возраста 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины) (с учетом положений, предусмотренных приложением 6 к настоящему Федеральному закону)”.

Исходя из положений чч. 1 и 3 ст. 22 Федерального закона “О страховых пенсиях”, по общему правилу страховая пенсия назначается со дня обращения за пенсией, но не ранее чем со дня возникновения права на указанную пенсию. В случае, если к заявлению о назначении страховой пенсии приложены не все необходимые документы, подлежащие представлению заявителем, орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, дает лицу, обратившемуся за страховой пенсией, разъяснение, какие документы он должен представить дополнительно.

В силу ч. 2 ст. 26 Федерального закона “О страховых пенсиях” страховая пенсия, не полученная пенсионером своевременно по вине органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, выплачивается ему за прошедшее время без ограничения каким-либо сроком.

Из положений пп. 20, 22, 23, 31 Правил обращения за страховой пенсией, утвержденных приказом Минтруда России от 17 ноября 2014 г. № 884н¹ (действовавших в период спорных отношений), следует, что при приеме заявления гражданина об установлении страховой пенсии по старости и представленных для этого документов пенсионный орган проверяет правильность оформления заявления и соответствие изложенных в нем сведений представленным документам; запрашивает документы (сведения), находящиеся в распоряжении иных государственных (муниципальных) органов, в случае если такие документы не представлены заявителем по собственной инициативе; разъясняет заявителю, какие документы он должен представить дополнительно; выдает уведомление и указывает в нем, в частности, перечень недостающих для установления пенсии документов, обязанность по представлению которых возложена на заявителя, и сроки их представления.

Таким образом, пенсионный орган принимает решения о назначении страховой пенсии по старости или об отказе в ее назначении на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех представленных гражданами и полученных самим пенсионным органом документов. В случае необоснованного отказа пенсионного органа в назначении гражданину страховой пенсии своевременно не полученная им страховая пенсия выплачивается ему за прошедшее время без ограничения каким-либо сроком.

¹ Полное наименование документа: Правила обращения за страховой пенсией, фиксированной выплатой к страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, накопительной пенсией, в том числе работодателей, и пенсией по государственному пенсионному обеспечению, их назначения, установления, перерасчета, корректировки их размера, в том числе лицам, не имеющим постоянного места жительства на территории Российской Федерации, проведения проверок документов, необходимых для их установления, перевода с одного вида пенсии на другой в соответствии с федеральными законами “О страховых пенсиях”, “О накопительной пенсии” и “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”, утвержденные приказом Минтруда России от 17 ноября 2014 г. № 884н. Документ утратил силу с 1 января 2022 г. в связи с изданием приказа Минтруда России от 5 августа 2021 г. № 546н, которым утверждены новые правила обращения за страховой пенсией, содержащие аналогичные положения (далее — Правила обращения за страховой пенсией).

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований А. не применили нормативные положения, регулирующие порядок установления гражданам страховых пенсий по старости, не установили обстоятельства, имеющие значение для дела, не выяснили, были ли допущены пенсионным органом нарушения при принятии и рассмотрении первоначального заявления А. о назначении пенсии 15 августа 2017 г., приведшие к несвоевременному получению ею страховой пенсии по старости.

Между тем с учетом исковых требований А., возражений ответчика относительно иска и норм материального права, регулирующих спорные отношения, юридически значимым являлось установление в том числе следующих обстоятельств: исполнена ли пенсионным органом обязанность по разъяснению А. при ее первичном обращении с заявлением о назначении страховой пенсии по старости вопроса о том, какие недостающие документы ей необходимо представить дополнительно для подтверждения достижения ее детьми П. и В. возраста полутора лет с целью включения в ее страховой стаж периода ухода за детьми; указал ли пенсионный орган в уведомлении о приеме и регистрации заявления от 15 августа 2017 г. на необходимость дополнительно представить А. недостающие документы для назначения страховой пенсии; предпринимались ли пенсионным органом действия по запросу необходимых документов в органах и организациях, в распоряжении которых они находятся.

Названные обстоятельства, имеющие значение для дела, исходя из подлежащих применению норм права, в качестве юридически значимых определены не были, предметом исследования и оценки судов первой и апелляционной инстанций в нарушение требований ст.ст. 56 и 196 ГПК РФ не являлись.

Суд кассационной инстанции, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод судов первой, апелляционной и кассационной инстанций о том, что не имеется оснований, предусмотренных действующим законодательством, для удовлетворения исковых требований А., незаконным, отменила обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 мая 2021 г. № 5-КГ21-26-К2)

3. Суд вправе обязать пенсионный орган назначить гражданину страховую пенсию со дня его обращения с заявлением в пенсионный орган, а в случае обращения гражданина с заявлением о назначении пенсии ранее возникновения у него права на пенсию — со дня возникновения такого права, если гражданин в установленном законом порядке обращался в орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, за назначением страховой пенсии, однако в этом ему было необоснованно отказано.

Г. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным отказа в досрочном назначении страховой пенсии по старости, об обя-

зании назначить и выплатить страховую пенсию по старости за период с 27 сентября 2017 г. по 27 июня 2018 г., досрочном назначении страховой пенсии по старости с даты первоначального обращения в пенсионный орган.

В обоснование заявленных требований Г. указала, что 27 сентября 2017 г. она обратилась в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении ей страховой пенсии по старости в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” как лицу, не менее 25 лет осуществлявшему педагогическую деятельность в учреждениях для детей.

Решением пенсионного органа от 27 декабря 2017 г. в досрочном назначении страховой пенсии по старости Г. было отказано в связи с отсутствием у нее требуемого для назначения такой пенсии специального стажа. По состоянию на 27 сентября 2017 г. учтенный пенсионным органом стаж педагогической деятельности Г. в учреждениях для детей составил 21 год 3 месяца 1 день.

Решением суда первой инстанции от 21 марта 2018 г. и апелляционным определением суда апелляционной инстанции от 6 июня 2018 г. решение пенсионного органа от 27 декабря 2017 г. признано незаконным, на пенсионный орган возложена обязанность включить в специальный стаж Г. спорные периоды ее работы, составляющие в общей сложности 3 года 8 месяцев 3 дня. С учетом включенных в специальный стаж Г. судебными постановлениями спорных периодов работы стаж педагогической деятельности Г. по состоянию на 27 сентября 2017 г. составил 24 года 11 месяцев и 4 дня.

Во исполнение названных судебных постановлений пенсионный орган включил в специальный стаж Г. спорные периоды работы, однако назначил ей страховую пенсию по старости только с 28 июня 2018 г. — со дня повторного обращения Г. в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Г., суд первой инстанции исходил из того, что у Г. по состоянию на дату ее первоначального обращения в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости (27 сентября 2017 г.) не было требуемого для назначения досрочной страховой пенсии по старости стажа осуществления педагогической деятельности в учреждениях для детей (25 лет), ввиду чего не имеется оснований для возложения на пенсионный орган обязанности по назначению истцу страховой пенсии по старости с даты первоначального обращения в пенсионный орган.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно отметив, что по состоянию на 27 сентября 2017 г. (дату первоначального обращения Г. в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости) с учетом включенных судебными постановлениями в специальный стаж Г. спорных периодов работы стаж педагогической деятельности истца в учреждениях для детей составил 24 года 11 месяцев 4 дня. Этот стаж недостаточен для досрочного назначения ей с 27 сентября 2017 г. страховой пенсии по старости по п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения состоявшиеся по делу судебные постановления.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, указав следующее.

В соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 указанного Федерального закона, при наличии величины индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30 лицам, не менее 25 лет осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, независимо от их возраста.

Из положений ч. 6 ст. 21, чч. 1, 2 ст. 22 Федерального закона “О страховых пенсиях”, пп. 19, 23 Правил обращения за страховой пенсией (действовавших в период спорных отношений)¹, разъяснений, содержащихся в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 30 “О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии”, следует, что страховая пенсия по старости, в том числе назначаемая досрочно в соответствии с положениями ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”, по общему правилу, назначается со дня обращения за страховой пенсией, но во всех случаях не ранее чем со дня возникновения права на данную пенсию. При этом заявление о назначении пенсии может быть подано гражданином и до наступления пенсионного возраста или возникновения права на досрочное назначение пенсии, но не ранее чем за месяц до достижения соответствующего возраста или, соответственно, возникновения права на досрочное пенсионное обеспечение.

Если гражданин в установленном законом порядке обращался в орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, за назначением страховой пенсии, однако в этом ему было необоснованно отказано, суд вправе обязать пенсионный орган назначить гражданину страховую пенсию со дня его обращения с заявлением в пенсионный орган, а в случае обращения гражданина с заявлением о назначении пенсии ранее возникновения у него права на пенсию — со дня возникновения такого права.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований Г. неправильно применили к спорным отношениям нормы пенсионного законодательства, регулирующие порядок установления и выплаты страховой пенсии, в том числе нормативные положения о назначении страховой пенсии со дня обращения за пенсией, но не ранее возникновения права на нее, вследствие чего сделали не соответствующий закону вывод об отсутствии оснований для возложения на пенсионный орган обязанности по назначению и выплате Г. страховой пенсии по старости со дня возникновения у нее права на страховую пенсию по старости.

¹Документ утратил силу с 1 января 2022 г. в связи с изданием приказа Минтруда России от 5 августа 2021 г. № 546н, утвердившего новые правила обращения за страховой пенсией, содержащие аналогичные положения.

Между тем Г., обращаясь в суд с исковыми требованиями к пенсионному органу о досрочном назначении страховой пенсии по старости с даты первоначального обращения в пенсионный орган, ссылалась на то, что заявление о назначении страховой пенсии по старости первоначально было подано ею в пенсионный орган 27 сентября 2017 г. Принимая решение по этому заявлению 27 декабря 2017 г., пенсионный орган необоснованно не включил в специальный страховой стаж периоды ее работы, составляющие в общей сложности 3 года 8 месяцев 3 дня. С учетом периодов работы, включенных в ее специальный страховой стаж решением суда первой инстанции от 21 марта 2018 г. и апелляционным определением суда апелляционной инстанции от 6 июня 2018 г., у Г. имелось право на назначение страховой пенсии по старости уже на день принятия 27 декабря 2017 г. пенсионным органом решения об отказе в досрочном назначении ей страховой пенсии. Однако до вступления в силу названных судебных актов (6 июня 2018 г.) истец из-за неправомерного невключения ей пенсионным органом в специальный стаж периодов ее работы (3 года 8 месяцев 3 дня) фактически была лишена возможности реализовать свое право на досрочное назначение страховой пенсии со дня его возникновения.

Эти доводы Г. не получили с учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права правовой оценки судов первой и апелляционной инстанций.

Суды первой и апелляционной инстанций оставили без внимания взаимосвязанные положения ст. 22 Федерального закона “О страховых пенсиях” и п. 19 Правил обращения за страховой пенсией, по смыслу которых гражданин вправе обратиться в пенсионный орган за назначением страховой пенсии ранее возникновения у него права на пенсию (до наступления пенсионного возраста), при этом назначение гражданину пенсии будет осуществляться пенсионным органом со дня возникновения у гражданина права на пенсию, что гарантирует своевременное пенсионное обеспечение.

Вследствие неправильного применения норм материального права суды первой и апелляционной инстанций не определили и не установили юридически значимое для правильного разрешения данного спора обстоятельство, а именно: с какого дня у Г. возникло право на страховую пенсию по старости в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” как у лица, не менее 25 лет осуществлявшего педагогическую деятельность в учреждениях для детей.

Поскольку Г. первоначально обратилась в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости 27 сентября 2017 г. и на этот день с учетом включенных вступившими в законную силу судебными постановлениями периодов работы стаж ее педагогической деятельности в учреждениях для детей составлял 24 года 11 месяцев и 4 дня, то пенсионному органу следовало досрочно назначить Г. страховую пенсию по старости со дня возникновения у нее права на эту пенсию, а не со дня повторной подачи ею заявления в пенсионный орган (28 июня 2018 г.) после признания судебными инстанциями незаконным решения пенсионного органа от 27 декабря 2017 г., не включившего спорные периоды работы в ее специальный стаж при первоначальном обращении.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Г. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального права не устранил.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 декабря 2020 г. № 16-КГ20-24-К4)

4. Право на одновременное получение двух пенсий — государственной пенсии по инвалидности на основании Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” и страховой пенсии по старости в соответствии с Федеральным законом “О страховых пенсиях” — предоставлено инвалидам вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС из числа военнообязанных, призванных на военные сборы и направленных для ликвидации последствий этой катастрофы.

Ч. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения об отказе в установлении пенсии по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению, признании права на назначение этой пенсии, об обязанности назначить пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению.

В обоснование исковых требований Ч. ссылался на то, что относится к категории инвалидов вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС из числа военнообязанных, призванных на специальные сборы и привлеченных к выполнению работ, связанных с ликвидацией последствий этой катастрофы, и получает пенсию по старости по государственному пенсионному обеспечению.

Ч. обратился в пенсионный орган с заявлением о переводе его с одного вида пенсии по государственному пенсионному обеспечению на другой вид такой пенсии, а именно с пенсии по старости на пенсию по инвалидности.

Пенсионным органом было принято решение об отказе Ч. в установлении пенсии по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению в связи с нецелесообразностью, поскольку ее размер значительно меньше размера получаемой им пенсии по старости по государственному пенсионному обеспечению.

По мнению Ч., решение пенсионного органа является незаконным, поскольку он как военнообязанный, призванный на специальные сборы, направленный для работы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и при этом исполнявший обязанности военной службы, ставший инвалидом вследствие чернобыльской катастрофы, в случае перевода с пенсии по старости по государственному пенсионному обеспечению на пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению будет иметь право на одновременное получение двух пенсий — пенсии по инвалидности, предусмотренной Федеральным законом “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”, и страховой пенсии по старости согласно Федеральному закону “О страховых пенсиях”. В таком случае общий размер получаемых им пенсий окажется выше, чем

размер пенсии по старости по государственному пенсионному обеспечению, выплачиваемой ему пенсионным органом.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований Ч. отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Ч., суд первой инстанции полагал основанным на неправильном толковании закона довод истца о том, что он имеет право на одновременное получение пенсии по инвалидности и страховой пенсии по старости. Установление же Ч. пенсии по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению приведет к уменьшению размера выплачиваемой пенсионным органом Ч. пенсии и повлечет нарушение его пенсионных прав.

Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводами суда первой инстанции, дополнил их указанием на то, что истец не относится к категории лиц, которым гарантировано право на назначение пенсии как инвалидам вследствие военной травмы, имеющим право на одновременное получение двух пенсий — пенсии по инвалидности, предусмотренной Федеральным законом “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”, и страховой пенсии по старости согласно Федеральному закону “О страховых пенсиях”.

Кассационный суд общей юрисдикции не установил нарушения либо неправильного применения судебными инстанциями норм материального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального права ввиду следующего.

Из нормативных положений п. 2 ч. 1 ст. 13, ч. 1 ст. 29 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (далее — Закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I), ст.ст. 3, 10 Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”, ч. 2 ст. 5 Федерального закона “О страховых пенсиях”, разъяснений, содержащихся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 35¹, следует, что к числу лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите, отнесены граждане, принимавшие участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и пострадавшие от радиационного воздействия, в частности военнообязанные, призванные на специальные сборы, направленные и командированные для работы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и при этом исполнявшие обязанности военной службы (служебные обязанности), ставшие инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы. Для этих граждан установлен льготный порядок пенсионного обеспечения. Они приравниваются в сфере пенсионного обеспечения к гражданам, ставшим инвалидами вследствие воен-

ной травмы, и имеют право на одновременное получение двух пенсий — пенсии по инвалидности по нормам Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” и страховой пенсии по старости на основании Федерального закона “О страховых пенсиях”. Критерием такого приравнивания является получение при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей) военнообязанными, призванными на специальные сборы, направленными и командированными для работы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, заболевания, приведшего к инвалидности.

Суд первой инстанции при рассмотрении исковых требований Ч. не применил нормативные положения Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I в их взаимосвязи с нормами Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” о льготном пенсионном обеспечении инвалидов вследствие военной травмы, не исследовал и не дал оценки представленным Ч. документам, в которых содержались сведения о том, что он был призван на специальные сборы, направлен для работы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, исполнял обязанности военной службы (служебные обязанности) и стал инвалидом вследствие чернобыльской катастрофы. Ввиду этого суд первой инстанции не установил обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора, а именно: наличие у Ч. права на одновременное получение двух пенсий — пенсии по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению и страховой пенсии по старости, а также права на выбор вида пенсии по государственному пенсионному обеспечению, в связи с чем вывод суда первой инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований Ч. со ссылкой на нецелесообразность его перевода с пенсии по старости по государственному пенсионному обеспечению на пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению, так как это приведет к уменьшению размера выплачиваемой пенсионным органом Ч. пенсии, является неправомерным.

Утверждение суда первой инстанции о том, что довод Ч. о наличии у него права на одновременное получение двух пенсий основан на неправильном толковании закона, противоречит правовому регулированию спорных отношений.

Суд апелляционной инстанции, делая вывод о том, что Ч. не относится к категории лиц, которым может быть назначена пенсия в соответствии положениями п. 2 ч. 1 ст. 29 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I, т.е. граждан, приравненных в сфере пенсионного обеспечения к инвалидам вследствие военной травмы, имеющим в силу подп. 1 п. 3 ст. 3 Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” право на одновременное получение двух пенсий — пенсии по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению и страховой пенсии по старости, не принял во внимание правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Определении от 19 января 2021 г. № 1-О, согласно которой положения подп. 1 п. 3 ст. 3 Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” и п. 2 ч. 1 ст. 29 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I по своему буквальному смыслу не предполагают возможности отказа гражданам, которые, являясь военнообяз-

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 35 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”.

занными, были призваны на специальные сборы, направлены для выполнения работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и при этом исполняли обязанности военной службы и стали инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, в предоставлении права на одновременное получение двух пенсий — по инвалидности (по государственному пенсионному обеспечению) и страховой пенсии по старости (с учетом назначения ее ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста).

Суд кассационной инстанции, проверяя по жалобе Ч. законность судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального права не выявил и не устранил, правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Определении от 19 января 2021 г. № 1-О, во внимание также не принял.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления судов первой, апелляционной, кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 февраля 2022 г. № 29-КГ21-9-К1)

5. Право на повышенную фиксированную выплату к страховой пенсии имеют пенсионеры, у которых на иждивении находятся нетрудоспособные члены семьи. Наличие у нетрудоспособного члена семьи собственного дохода не исключает нахождения его на иждивении пенсионера, если оказываемая пенсионером нетрудоспособному члену семьи помощь является существенной.

Б. обратилась в суд с иском к пенсионному органу об установлении факта нахождения внучки Д. на ее иждивении и о перерасчете размера фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости.

В обоснование заявленных требований Б. указала, что она является получателем страховой пенсии по старости и опекуном своей внучки Д., 2000 года рождения, после смерти ее родителей. Д. установлена инвалидность с детства I группы, она не ходит, не разговаривает, обслуживать себя не может, нуждается в постоянном уходе, находится на учете у врачей-специалистов в связи с наличием ряда заболеваний. Решением суда Д. признана недееспособной.

Б. осуществляет постоянный уход за внучкой Д., оплачивает коммунальные услуги, покупает продукты, специальное питание, предметы для реабилитации внучки и необходимые медикаменты, несет расходы на лечебную физкультуру и иную поддерживающую здоровье внучки терапию. Получаемых Д. пенсии по инвалидности и ежемесячной доплаты к ней не хватает на расходы, связанные с обеспечением ее всем необходимым для жизни. Фактически Д. находится на иждивении своей бабушки Б. На время отсутствия Б. для ухода за внучкой приглашается няня, услуги которой оплачиваются за счет денежных средств истца.

21 марта 2019 г. Б. обратилась в пенсионный орган с заявлением о повышении фиксированной выплаты к ее страховой пенсии по старости, так как на ее иждивении находится нетрудоспособный член семьи (внучка Д.). В удовлетворении данного заявления пенсионным органом отказано ввиду

неподтверждения факта нахождения внучки Д. на иждивении Б.

Разрешая спор и отказывая Б. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что размер собственного ежемесячного дохода Д. (15 093 руб.) превышает размер прожиточного минимума для пенсионеров в регионе проживания и не позволяет признать доход Б. основным и постоянным источником средств к существованию Д., в связи с чем не имеется правовых оснований для признания ее находящейся на иждивении Б. и перерасчета размера фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости истца с учетом повышения.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, счел содержащиеся в них выводы законными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального права.

Исходя из нормативных положений ч. 3 ст. 17 и п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” лицу, получающему страховую пенсию по старости либо страховую пенсию по инвалидности (далее также — пенсионер), на иждивении которого находится нетрудоспособный член семьи, производится повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии. Применительно к ч. 3 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” понятие “иждивение” предполагает как полное содержание нетрудоспособного члена семьи пенсионером, так и получение от него помощи, являющейся для этого нетрудоспособного члена семьи постоянным и основным, но не единственным источником средств к существованию, т.е. иждивение не исключает наличия у нетрудоспособного члена семьи указанного пенсионера какого-либо собственного дохода (получение пенсии и других выплат). Факт нахождения на иждивении либо получения существенной помощи от пенсионера нетрудоспособным членом его семьи может быть установлен в том числе в судебном порядке путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой пенсионером нетрудоспособному члену семьи, и собственными доходами нетрудоспособного лица, и такая помощь может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию нетрудоспособного члена семьи этого пенсионера.

Из правовых норм ст.ст. 3, 10, 16, 17 Федерального закона “О страховых пенсиях” можно сделать вывод о том, что установленное ч. 3 ст. 17 этого Федерального закона повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности представляет собой способ материальной компенсации иждивенческой нагрузки получателя соответствующей пенсии, а потому право на повышенную фиксированную выплату к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности и перерасчет ее размера связывается с фактом наличия на иждивении у пенсионера нетрудоспособного члена семьи, относящегося к какой-либо из предусмотренных законом категорий. При этом наличие у нетрудоспособного члена семьи собственного дохода не

исключает факта нахождения его на иждивении пенсионера, если оказываемая пенсионером нетрудоспособному члену семьи помощь является существенной, что может быть установлено в том числе в судебном порядке путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой пенсионером нетрудоспособному члену семьи, и собственными доходами нетрудоспособного члена семьи, и такая помощь может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию этого нетрудоспособного члена семьи.

Нормативные положения Федерального закона “О страховых пенсиях” об основаниях признания нетрудоспособного члена семьи находящимся на иждивении пенсионера в целях повышения фиксированной выплаты к его страховой пенсии судебными инстанциями применены неправильно.

В результате неправильного применения норм права, регулирующих спорные отношения, суды первой и апелляционной инстанций в нарушение требований ст.ст. 56, 67, 196 ГПК РФ не дали надлежащей правовой оценки доводам Б. о том, что осуществление постоянного ухода за недееспособным инвалидом с детства I группы Д. сопряжено для Б. со значительными материальными затратами в целях удовлетворения жизненных нужд и потребностей, которые не покрывались за счет доходов самой Д., вследствие чего пришли к незаконному выводу об отсутствии правовых оснований для признания Д. находящейся на иждивении Б. и перерасчета размера фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости Б. с учетом повышения. Кроме того, этот вывод судов первой и апелляционной инстанций сделан без установления юридически значимых обстоятельств по делу.

С учетом подлежащего применению правового регулирования судебным инстанциям для разрешения вопроса о том, находится ли Д. на иждивении своей бабушки-опекуна Б., надлежало выяснить, может ли Д., будучи недееспособным лицом, инвалидом с детства I группы, не имеющим возможности самостоятельно себя обслуживать, без помощи бабушки Б., проживающей совместно с ней, обеспечивать себя всем необходимым (приобретение лекарственных средств, обеспечение специфического ухода, требуемого инвалиду с детства I группы, покупка одежды, продуктов питания, предметов первой необходимости, оплата коммунальных платежей, ведение домашнего хозяйства, оплата многочисленных реабилитационных мероприятий, услуг няни-сиделки и т.п.), определить денежный эквивалент оказываемых Б. своей внучке Д. помощи и ухода и с учетом этого сделать вывод о том, могут ли эта помощь и уход считаться постоянным и основным источником средств к существованию Д.

Однако данные обстоятельства, имеющие значение для дела, судебными инстанциями не устанавливались.

Кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая дело по кассационной жалобе Б., указал, что выводы судов первой и апелляционной инстанций являются правильными, соответствующими характеру спорных отношений и установленным по делу обстоятельствам. При этом, делая такой вывод, кассационный суд общей юрисдикции не принял во внимание правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 22 апреля 2020 г. № 20-П “По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерально-

го закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки И.К. Дашковой”, согласно которой для признания инвалида с детства находящимся на иждивении своего родителя не имеет значения соотношение размеров доходов самого инвалида с детства и его родителя, поскольку помощь, которую оказывает инвалиду с детства его родитель при осуществлении необходимого такому инвалиду постоянного ухода за ним, может выражаться не только непосредственно в денежной форме, но и в иных, также требующих определенных денежных затрат, формах (например, в приобретении продуктов питания, одежды, лекарственных средств, оплате медицинских и иных услуг в целях жизнеобеспечения инвалида с детства и др.). Между тем данная правовая позиция в полной мере может быть применена к спорным отношениям, связанным с установлением факта нахождения на иждивении бабушки-опекуна ее внучки — инвалида с детства в целях повышения размера фиксированной выплаты к страховой пенсии бабушки, осуществляющей постоянный уход за своей внучкой.

Исходя из изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала не соответствующими закону выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, в связи с чем отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2021 г. № 8-КГ21-4-К2)

6. В случае изменения количества нетрудоспособных членов семьи, находящихся на иждивении пенсионера, получающего пенсию по инвалидности, пенсионный орган обязан информировать такого пенсионера о праве на перерасчет фиксированной выплаты к пенсии по инвалидности и о порядке реализации этого права.

З. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным отказа в назначении повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по инвалидности за прошлое время, взыскании повышенной фиксированной выплаты к пенсии в связи с наличием на иждивении двух нетрудоспособных членов семьи (детей) за период с 21 августа 2008 г. по 31 марта 2020 г.

В обоснование заявленных требований З. указывал, что он является инвалидом III группы, в 2003 году ему была назначена пенсия по инвалидности, размер базовой части которой был установлен в повышенном размере с учетом нахождения у него на иждивении одного нетрудоспособного члена семьи — дочери 2002 года рождения.

21 августа 2008 г. у него родилась еще одна дочь, однако пенсионным органом не был произведен перерасчет пенсии по инвалидности З. с учетом нахождения у него на иждивении не одного, а двух нетрудоспособных членов семьи.

В марте 2020 г. З. обратился в пенсионный орган с заявлением о выплате ему за прошлое время недополученной суммы повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по инвалидности, в чем ему было отказано со ссылкой на то, что заявление З. о перерасчете размера данной повышенной выплаты в связи с нахождением у него на иждивении еще одного нетрудоспособного члена семьи и свидетельство о рождении второй дочери ранее в пенсионный орган не поступали.

Истец полагал этот отказ незаконным, так как у пенсионного органа имелись документы о рождении у него второй дочери (свидетельство о рождении), однако ответчик не выполнил свою обязанность по его информированию о праве на получение повышенной фиксированной выплаты к пенсии по инвалидности в большем размере с учетом нахождения у него на иждивении двух нетрудоспособных членов семьи (детей), для реализации которого следует обратиться в пенсионный орган с соответствующим заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковые требования З. оставлены без удовлетворения.

Разрешая спор и отказывая в полном объеме в удовлетворении исковых требований З., суд первой инстанции сделал вывод об отсутствии оснований для назначения истцу повышенной фиксированной выплаты к пенсии по инвалидности за прошлое время с учетом нахождения у него на иждивении двух нетрудоспособных членов семьи (детей), исходя из того, что пенсионные правоотношения возникают на основании письменного заявления гражданина, обращающегося за перерасчетом пенсии и представляющего необходимые документы. Поскольку З. в пенсионный орган с письменным заявлением о перерасчете размера повышенной фиксированной выплаты к пенсии по инвалидности обратился только в марте 2020 г., то и перерасчет ему был произведен с 1 апреля 2020 г. (с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором принято заявление З. о перерасчете размера фиксированной выплаты в сторону увеличения).

По мнению суда первой инстанции, действующее пенсионное законодательство не предусматривает обязанности пенсионного органа по перерасчету пенсии без соответствующего заявления пенсионера, а также обязанности по разъяснению пенсионеру его пенсионных прав.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права, указав следующее.

Из положений ст.ст. 16—18, 23, ч. 2 ст. 26 Федерального закона “О страховых пенсиях” следует, что лицам, имеющим право на страховую пенсию в соответствии с данным Федеральным законом, устанавливается обеспечение в виде выплаты в фиксированном размере к страховой пенсии. Лицо, получающее страховую пенсию по инвалидности, на иждивении которого находится нетрудоспособный член семьи, имеет право на повышение фиксированной выплаты к этой пенсии, которое производится одновременно с назначением страховой пенсии по инвалидности. В случае изменения количества нетрудоспособных членов семьи пенсионным органом делается перерасчет размера фиксированной выплаты к страховой пенсии по инвалидности.

По общему правилу перерасчет фиксированной выплаты к страховой пенсии по инвалидности носит заявительный характер, т.е. осуществляется пенсионным органом на основании соответствующего заявления лица, являющегося инвалидом, на иждивении которого находятся нетрудоспособные

члены семьи, и прилагающихся к такому заявлению необходимых документов.

Вместе с тем гражданин, являющийся инвалидом, при обращении в пенсионный орган по вопросам пенсионного обеспечения или в связи с иными жизненными событиями имеет право на получение от пенсионного органа информации о его правах, в том числе о праве на фиксированную выплату к пенсии по инвалидности, о порядке определения ее размера и условиях перерасчета, и этому праву корреспондирует обязанность пенсионного органа предоставить гражданину указанную информацию.

Пенсионный орган при обращении гражданина, являющегося инвалидом, с заявлением о назначении пенсии по инвалидности должен разъяснить ему права, связанные с его пенсионным обеспечением, в частности право на получение фиксированной выплаты к пенсии по инвалидности в повышенном размере с учетом количества нетрудоспособных членов семьи, находящихся у него на иждивении, основания, влекущие перерасчет размера получаемой им пенсии по инвалидности, и необходимость подачи заявления в пенсионный орган для перерасчета размера пенсии по инвалидности в случае изменения количества нетрудоспособных членов семьи, находящихся у него на иждивении, с целью своевременной реализации права на данный перерасчет.

В случае невыполнения пенсионным органом названной обязанности, приведшего к несвоевременному обращению инвалида, на иждивении которого находятся нетрудоспособные члены семьи, в пенсионный орган с заявлением о перерасчете размера пенсии по инвалидности, указанное лицо применительно к ч. 2 ст. 26 Федерального закона “О страховых пенсиях” (страховая пенсия, не полученная пенсионером своевременно по вине органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, выплачивается ему за прошедшее время без ограничения каким-либо сроком) имеет право на выплату недополученных сумм пенсии по инвалидности за прошедшее время без ограничения каким-либо сроком. В противном случае будет нарушено право на социальное обеспечение в размере, определенном законом.

Суды первой и апелляционной инстанций в результате неправильного применения регулирующих спорные отношения норм материального права не приняли во внимание, что в ходе рассмотрения дела ответчик (пенсионный орган) не представил данных о том, что при обращении З. с заявлением о назначении пенсии по инвалидности, при получении от истца свидетельства о рождении второй дочери он выполнил обязанность по информированию З. о праве на перерасчет размера фиксированной выплаты к пенсии по инвалидности в случае изменения количества нетрудоспособных членов семьи, находящихся у него на иждивении, для реализации которого следует обратиться в пенсионный орган с соответствующим заявлением.

Делая вывод о том, что действующее пенсионное законодательство не предусматривает обязанности пенсионного органа по перерасчету пенсии без соответствующего заявления пенсионера, как и обязанности по разъяснению пенсионеру его пенсионных прав, суды первой и апелляционной инстанций оставили без внимания нормативные положения, предусматривающие обеспечение пенсионным органом разъяснительной работы среди на-

селения по вопросам выплат пенсий и подлежащие применению к спорным отношениям во взаимосвязи с положениями пенсионного законодательства, регулирующими вопросы установления инвалидам фиксированной выплаты к пенсии по инвалидности, о порядке определения ее размера и условиях перерасчета.

Ввиду того, что суды первой и апелляционной инстанций не установили, была ли пенсионным органом исполнена обязанность по разъяснению З. его права на повышенную фиксированную выплату к страховой пенсии по инвалидности с учетом нахождения у него на иждивении двоих нетрудоспособных членов семьи, имелась ли вина пенсионного органа в несвоевременном обращении З. с заявлением о перерасчете фиксированной выплаты к страховой пенсии по инвалидности и, как следствие, имеется ли у него право на выплату ему недополученной части фиксированной выплаты к страховой пенсии по инвалидности за прошлое время без ограничения каким-либо сроком, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что спор по иску З. разрешен с нарушением норм права, регулирующих спорные отношения, при неустановлении обстоятельств, имеющих значение для дела, в связи с чем отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2022 г. № 3-КГ21-6-К3)

7. При рассмотрении заявления члена семьи об установлении факта нахождения на иждивении для назначения страховой пенсии по случаю потери кормильца суду следует учитывать, что помощь, оказываемая члену семьи, являющемуся инвалидом, другим членом семьи (его кормильцем) может выражаться как в денежной форме, так и в осуществлении необходимого члену семьи постоянного ухода за ним, связанного со значительными материальными затратами в целях поддержания жизнеобеспечения данного лица и удовлетворения его жизненных нужд и потребностей, не покрываемых за счет доходов самого инвалида и фактически возлагаемых на его кормильца.

Е. обратилась в суд с заявлением об установлении факта ее нахождения в период с 24 июня 2017 г. по 25 июня 2018 г. на иждивении супруга С., умершего 25 июня 2018 г. Установление факта нахождения на иждивении супруга С. необходимо Е. для назначения и выплаты ей страховой пенсии по случаю потери кормильца в соответствии с нормами Федерального закона “О страховых пенсиях”.

В обоснование заявления Е. ссылалась на то, что она состояла в зарегистрированном браке с С. и проживала с ним совместно до его смерти. С июня 2017 г. Е. установлена инвалидность II группы (инвалид по зрению), в связи с чем она является нетрудоспособной, получает страховую пенсию по инвалидности, размер которой является незначительным, не может полностью себя содержать, ей требуется особый уход, размера получаемой ею пенсии недостаточно для оплаты жилья, приобретения продуктов питания, средств первой необходимости. Она находилась на иждивении супруга, и оказываемая С. помощь носила для нее постоянный характер, была основным источником средств к существованию; С. брал на себя всю заботу по уходу и содержанию Е.

Отказывая в удовлетворении заявления Е. об установлении факта нахождения ее на иждивении супруга С., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что Е. имела и имеет самостоятельный достаточный и постоянный доход, превышающий величину прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации. Сам по себе факт превышения дохода С. над доходом Е. не является достаточным основанием для установления факта нахождения Е. на иждивении ее супруга С.

Суд первой инстанции исходил из того, что Е. не представлено доказательств получения от супруга С. постоянной помощи, составляющей основную часть средств к ее существованию.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно отметив, что Е. не представлено бесспорных доказательств, свидетельствующих о том, что она находилась на иждивении своего супруга.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций ошибочными в связи со следующим.

В соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (за исключением лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, повлекшее за собой смерть кормильца и установленное в судебном порядке).

В ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” определен круг лиц, которые признаются нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца, в их числе родители и супруг умершего кормильца, если они достигли возраста 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины) либо являются инвалидами (п. 3 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях”; норма приводится в редакции, действовавшей на момент смерти С. — 25 июня 2018 г.)¹.

Члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию (ч. 3 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях”).

Частью 6 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” предусмотрено, что нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, для которых его помощь была постоянным и основным источником средств к существованию, но которые сами получали какую-либо пенсию, имеют право перейти на страховую пенсию по случаю потери кормильца.

¹Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ, вступившим в силу с 1 января 2019 г., п. 3 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” изложен в следующей редакции: “Нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца признаются родители и супруг умершего кормильца, если они достигли возраста 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины) (с учетом положений, предусмотренных приложением 6 к настоящему Федеральному закону) либо являются инвалидами”.

По смыслу изложенных норм Федерального закона “О страховых пенсиях” понятие “иждивение” предполагает как полное содержание члена семьи умершим кормильцем, так и получение от него помощи, являющейся для этого лица постоянным и основным, но не единственным источником средств к существованию, т.е. не исключает наличие у члена семьи умершего кормильца какого-либо собственного дохода (получение пенсии и других выплат). Факт нахождения на иждивении либо получения существенной помощи от умершего кормильца членом его семьи может быть установлен в том числе в судебном порядке путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой умершим кормильцем, и его собственными доходами, и такая помощь может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию нетрудоспособного члена семьи умершего кормильца.

Приведенные нормативные положения Федерального закона “О страховых пенсиях” об основаниях признания члена семьи находившимся на иждивении умершего кормильца судебными инстанциями применены неправильно.

Отказывая в удовлетворении заявления Е. об установлении факта нахождения ее в период с 24 июня 2017 г. по 25 июня 2018 г. на иждивении супруга С., суды первой и апелляционной инстанций, ошибочно истолковав понятие “иждивение”, в нарушение норм Федерального закона “О страховых пенсиях” исходили лишь из того, что Е. в названный период имела самостоятельный достаточный и постоянный доход, превышающий величину прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации, а превышение дохода С. над доходом Е., по мнению судебных инстанций, не является достаточным основанием для установления факта нахождения Е. на иждивении ее супруга С.

Между тем Е. в заявлении об установлении факта нахождения на иждивении супруга С., пояснениях к этому заявлению ссылались на то, что после того, как она в 2017 году получила инвалидность II группы по зрению (ослепла) и стала нетрудоспособной, ее супруг С. вел домашнее хозяйство и осуществлял за ней уход, оплату продуктов питания, коммунальных платежей, покупку лекарственных средств и средств первой необходимости, т.е. оказывал супруге Е. помощь, являющуюся постоянным и основным источником средств к ее существованию, поскольку ее пенсии по инвалидности и других выплат было недостаточно для обеспечения жизненных потребностей.

В результате неправильного применения норм права, регулирующих спорные отношения, суды первой и апелляционной инстанций в нарушение положений ст.ст. 56, 67, 196 ГПК РФ не дали надлежащей правовой оценки доводам Е. о том, что осуществление постоянного ухода за потерявшей зрение Е. было сопряжено для С. со значительными материальными затратами в целях удовлетворения ее жизненных нужд и потребностей, которые не покрывались за счет доходов самой Е.

Разрешая вопрос о том, находилась ли Е. на иждивении супруга С., суду надлежало выяснить, могла ли Е., будучи неработающим лицом, инвалидом II группы по зрению, при жизни супруга без его помощи обеспечивать себя всем необходимым (приобретение лекарственных средств, обеспечение специфического ухода, требуемого инвалиду по

зрению, покупка одежды, продуктов питания, предметов первой необходимости, оплата коммунальных платежей, ведение домашнего хозяйства и т.п.).

Эти обстоятельства, имеющие значение для дела, судами первой и апелляционной инстанций не устанавливались. Судами не принято во внимание, что сам по себе факт наличия у Е. собственного дохода — получение пенсии и других выплат — не означает, что помощь со стороны супруга С. не являлась для Е. основным источником средств к существованию.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Е. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не устранил, не учел правовую позицию Конституционного Суда РФ, содержащуюся в Постановлении от 22 апреля 2020 г. № 20-П “По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки И.К. Дашковой”, согласно которой помощь, оказываемая члену семьи, являющемуся инвалидом, его кормильцем, может выражаться не только непосредственно в денежной форме, но и в осуществлении необходимого этому члену семьи (инвалиду) постоянного ухода за ним, сопряженного со значительными материальными затратами в целях поддержания жизнеобеспечения данного лица и удовлетворения его специфических нужд и потребностей, не покрываемых за счет доходов самого инвалида и фактически возлагаемых на его кормильца.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2021 г. № 5-КГ21-25-К2)

8. Внуки, находившиеся на иждивении умершего кормильца и отвечающие требованиям, названным в п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях”, отнесены законом к нетрудоспособным членам семьи умершего кормильца (дедушки или бабушки) и имеют право на получение пенсии по случаю потери кормильца только в том случае, если у них отсутствуют трудоспособные родители.

Фактическое неосуществление родителем трудовой деятельности правового значения, как правило, не имеет.

Д. обратилась в суд с иском к пенсионному органу об установлении факта нахождения ее несовершеннолетнего сына Л. на иждивении у Е. (отца истца), обязанности назначить ее сыну страховую пенсию по случаю потери кормильца.

В обоснование заявленных требований Д. ссылались на то, что она одна воспитывает несовершеннолетнего сына Л., в его свидетельстве о рождении отец не указан (стоит прочерк). Заботу о ребенке взял на себя ее отец Е., который впоследствии умер.

Истец после смерти своего отца обратилась в пенсионный орган с заявлением о назначении ее сыну Л. страховой пенсии по случаю потери кормильца (дедушки ребенка — Е.), однако ответа на заявление от пенсионного органа не получила.

Решением суда первой инстанции иски оставлены без удовлетворения.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым иски удовлетворены. Суд апелляционной инстанции установил факт нахождения несовершеннолетнего Л. на иждивении его бабушки — Е. на день смерти последнего, обязал пенсионный орган назначить Л. пенсию по случаю потери кормильца.

Удовлетворяя иски требования Д., суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что имеются основания для установления факта нахождения несовершеннолетнего Л. на иждивении у его бабушки и для назначения Л. страховой пенсии по случаю потери кормильца со дня смерти Е.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что Е. (бабушка) при жизни взял на себя обязательства по содержанию внука Л. и оказывал ему помощь, которая была для него основным и постоянным источником средств к существованию, мать ребенка Д. не работает по объективным причинам, поскольку ухаживает за ребенком и воспитывает его, ребенок детский сад не посещает, что исключает возможность матери ребенка трудоустроиться, иного дохода Д. не имеет.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебное постановление суда апелляционной инстанции, не установив нарушения либо неправильного применения судом апелляционной инстанции норм материального или процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права ввиду следующего.

Основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на страховую пенсию по случаю потери кормильца, круг лиц, имеющих право на эту пенсию, и условия ее назначения определены Федеральным законом “О страховых пенсиях”.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 10 этого Федерального закона право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении. Одному из родителей, супругу или другим членам семьи, указанным в п. 2 ч. 2 данной статьи, названная пенсия назначается независимо от того, состояли они или нет на иждивении умершего кормильца.

Перечень лиц, которые признаются нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца, приведен в пп. 1—4 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях”. В их числе внуки умершего кормильца, не достигшие возраста 18 лет или достигшие возраста 18 лет и завершившие обучение, а также внуки умершего кормильца, обучающиеся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет или внуки умершего кормильца старше этого возраста, если они до достижения возраста 18 лет стали инвалидами. При этом внуки умершего кормильца при-

знаются нетрудоспособными членами семьи при условии, что они не имеют трудоспособных родителей.

Члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию (ч. 3 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях”).

Из нормативных положений Федерального закона “О страховых пенсиях” следует, что по общему правилу право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, круг которых определен в ч. 2 ст. 10 данного Федерального закона, если они состояли на иждивении умершего кормильца, т.е. находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию.

Внуки, находившиеся на иждивении умершего кормильца и отвечающие требованиям, названным в п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” (не достигшие возраста 18 лет либо достигшие возраста 18 лет и завершившие обучение по основным образовательным программам основного общего или среднего общего образования в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, на период до 1 сентября года, в котором завершено указанное обучение (внуки, достигшие возраста 18 лет и завершившие обучение), а также обучающиеся по очной форме обучения по основным образовательным программам в соответствующих образовательных организациях до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет или старше этого возраста, если они до достижения возраста 18 лет стали инвалидами), отнесены законом к нетрудоспособным членам семьи умершего кормильца (бабушки или бабушки) только в том случае, если они не имеют трудоспособных родителей. Если родители внука, находившегося на иждивении умершего кормильца, являются трудоспособными, то отсутствует необходимое условие для назначения такому внуку страховой пенсии по случаю потери кормильца.

Нетрудоспособность гражданина, как правило, определяется на основании возрастных критериев или обуславливается наличием инвалидности.

Судом апелляционной инстанции неправильно применены нормы Федерального закона “О страховых пенсиях” об основаниях возникновения права на страховую пенсию по случаю потери кормильца, о круге лиц, имеющих право на эту пенсию, и об условиях ее назначения. Суду апелляционной инстанции следовало принять во внимание положения п. 1 ч. 2 ст. 10 названного Федерального закона о том, что внуки относятся к нетрудоспособным членам семьи умершего кормильца (бабушки или бабушки) только в том случае, если они не имеют трудоспособных родителей и, как следствие, выяснить и установить для правильного разрешения спора трудоспособна или нетрудоспособна Д. как родитель внука умершего кормильца. При этом фактическое неосуществление Д. трудовой деятельности правового значения не имеет.

Поскольку обстоятельства, касающиеся трудоспособности или нетрудоспособности Д., судом апелляционной инстанции не устанавливались, Судебная коллегия по гражданским делам Верхов-

ного Суда РФ признала неправомерным исходя из положений ч. 1 ст. 264 ГПК РФ установление судом апелляционной инстанции факта нахождения несовершеннолетнего Л. (внука) на иждивении у Е. (дедушки) в целях назначения внуку страховой пенсии по случаю потери кормильца — дедушки. Данный факт (нахождение внука Л. на иждивении дедушки Е.) в случае трудоспособности его матери Д. юридического значения не имеет.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе ответчика законность судебного постановления суда апелляционной инстанции, допущенные им нарушения норм права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования ст. 379⁶ и чч. 1—3 ст. 379⁷ ГПК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, как принятые с существенными нарушениями норм материального и процессуального права, и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 41-КГ23-19-К4)

9. При рассмотрении судами дел, связанных с реализацией прав граждан на досрочное назначение страховой пенсии по старости, характер работы, включаемой в специальный стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости, подтверждается на основании документов, выдаваемых работодателями или соответствующими государственными (муниципальными) органами в установленном порядке. Показаниями свидетелей характер работы не подтверждается.

Х. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения об отказе в назначении пенсии и его отмене, включении в стаж работы по специальности, дающий право на досрочное назначение пенсии по старости в связи с тяжелыми условиями труда, периодов работы в качестве каменщика стройчасти, признании права на досрочное назначение страховой пенсии по старости и назначении пенсии со дня обращения.

В обоснование заявленных требований Х. указал, что решением пенсионного органа от 28 августа 2015 г. ему было отказано в досрочном назначении страховой пенсии по старости по п. 2 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” из-за отсутствия специального стажа работы с тяжелыми условиями труда. В стаж работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, пенсионным органом не были включены периоды работы истца в качестве каменщика стройчасти в колхозе “Подгорненский” с 16 мая 1988 г. по 29 июня 1992 г. и в АОЗТ “Подгорненское” с 30 июня 1992 г. по 28 марта 1995 г., с 18 сентября 1995 г. по 26 января 2000 г. в связи с отсутствием документального подтверждения занятости истца в бригаде каменщиков или в специализированном звене каменщиков комплексной бригады.

Между тем в спорные периоды Х. в течение полного рабочего дня выполнял работу в тяжелых условиях труда, работал в качестве каменщика в звене каменщиков стройбригады (стройчасти) в одной и той же организации. В связи с прекращением производственной деятельности сельскохозяйственной артели “Подгорненская” он лишен возможности представить в пенсионный орган до-

полнительные доказательства, подтверждающие его работу с тяжелыми условиями труда, в том числе справки, уточняющие особый характер его работы, а подтвердить факт его работы в спорный период каменщиком стройчасти могут свидетели Д. и А., работавшие каменщиками вместе с ним.

Разрешая спор и отказывая Х. в удовлетворении исковых требований о признании незаконным решения пенсионного органа об отказе в досрочном назначении страховой пенсии по старости по п. 2 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”, суд первой инстанции исходил из того, что характер работы Х., связанный с тяжелыми условиями труда, в качестве каменщика, постоянно работающего в бригаде каменщиков и в специализированных звеньях каменщиков комплексных бригад, в периоды его работы в колхозе “Подгорненский”, АОЗТ “Подгорненское”, сельскохозяйственной артели “Подгорненская” не подтвержден записями в его трудовой книжке, являющейся основным документом о трудовой деятельности работника, а также представленными письменными доказательствами. При этом суд первой инстанции указал, что свидетельские показания не могут быть приняты в качестве доказательств, подтверждающих характер работы Х., в связи с чем пришел к выводу об отсутствии правовых оснований для удовлетворения исковых требований.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования Х., суд апелляционной инстанции, принимая в качестве допустимых доказательств свидетельские показания в подтверждение наличия у Х. специального стажа, пришел к выводу о том, что Х. на момент обращения за досрочным назначением страховой пенсии по старости имел необходимый стаж работы с тяжелыми условиями труда, поскольку в спорные периоды работал каменщиком соответствующего разряда в составе строительной бригады каменщиков.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, а также сделанными с существенным нарушением норм процессуального права.

Как следует из положений ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” и подлежащих применению к спорным периодам работы Х. положений Списка № 2 производств, работ, профессий, должностей и показателей с вредными и тяжелыми условиями труда, занятость в которых дает право на пенсию по возрасту (по старости) на льготных условиях, утвержденного постановлением Правительства Министров СССР от 26 января 1991 г. № 10, право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в связи с тяжелыми условиями труда имеют в том числе мужчины-каменщики, проработавшие постоянно не менее 12 лет 6 месяцев в бригадах каменщиков и в специализированных звеньях каменщиков комплексных бригад, при наличии величины индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30 и страхового стажа не менее 20 лет.

Устанавливая правовые основания и условия назначения пенсий и предусматривая для отдельных категорий граждан, занятых определенной профессиональной деятельностью, возможность досрочного назначения страховой пенсии по старости, законодатель связывает право на назначение пенсии ранее достижения общеустановленно-

го пенсионного возраста не с любой работой в определенной сфере профессиональной деятельности, а лишь с такой, выполнение которой сопряжено с неблагоприятным воздействием различного рода факторов, повышенными психофизиологическими нагрузками, обусловленными спецификой и характером труда. При этом также учитываются различия в характере работы и функциональных обязанностях работающих лиц. Под характером работы понимаются особенности условий осуществления трудовой функции.

В соответствии со ст. 60 ГПК РФ обстоятельства дела, которые по закону должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Периоды работы после регистрации гражданина в качестве застрахованного лица в силу п. 2 ст. 13 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” подтверждаются выпиской из индивидуального лицевого счета застрахованного лица, сформированной на основании сведений индивидуального (персонифицированного) учета.

В соответствии с п. 3 ст. 13 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” (аналогичное правило предусмотрено в ч. 3 ст. 14 Федерального закона “О страховых пенсиях”) к допустимым доказательствам, подтверждающим особенности работы (работы в определенных условиях), определяющие ее характер и влияющие на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, не могут быть отнесены свидетельские показания. Указанные обстоятельства могут подтверждаться иными доказательствами, предусмотренными в ст. 55 ГПК РФ (например, приказами, расчетной книжкой, нарядами и т.п.).

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 30 “О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии”, периоды работы до регистрации гражданина в качестве застрахованного подтверждаются документами, выдаваемыми в установленном порядке работодателями или соответствующими государственными (муниципальными) органами (к примеру, архивными). Если документы о работе утрачены в связи со стихийным бедствием (землетрясением, наводнением, ураганом, пожаром и тому подобными причинами), а также по другим причинам (вследствие небрежного их хранения, умышленного уничтожения и тому подобных причин), не связанным с виной работника, и восстановить их невозможно, то такие периоды работы могут быть установлены на основании показаний двух или более свидетелей. При этом характер работы показаниями свидетелей не подтверждается.

Из приведенных нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что при рассмотрении судами дел, связанных с реализацией прав граждан на страховые пенсии, характер работы, включаемый в специальный стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости, подтверждается на основании документов, выдаваемых работодателями или соответствующими государственными (муниципальными) органами в установленном порядке.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции об отказе Х. в иске о досрочном назначении страховой пенсии по ста-

рости в связи с отсутствием документального подтверждения работы Х. с тяжелыми условиями труда в бригадах каменщиков и в специализированных звеньях каменщиков комплексных бригад и удовлетворяя иск Х. на основании свидетельских показаний, не учел положения указанных норм закона, устанавливающих круг допустимых доказательств в подтверждение характера работы для досрочного назначения страховой пенсии по старости, не применил к спорным отношениям закон, подлежащий применению, вследствие чего пришел к ошибочному выводу о наличии у Х. специального стажа для досрочного назначения страховой пенсии по старости в связи с тяжелыми условиями труда.

Письменные доказательства, подтверждающие, что в спорные периоды Х. работал каменщиком в бригаде каменщиков или в специализированных звеньях каменщиков комплексных бригад, в деле отсутствуют. В материалах дела также отсутствуют какие-либо документы, выданные в установленном порядке работодателем Х., подтверждающие, что Х. в спорные периоды, работая каменщиком стройчасти, имел право на применение льготного порядка исчисления стажа указанной работы для досрочного назначения страховой пенсии по старости.

Имеющимся в материалах дела данными индивидуального (персонифицированного) учета не подтверждается льготный характер работы Х. в период после регистрации его в системе обязательного пенсионного страхования, спорные периоды отражены по данным этого учета без указания кода особых условий труда.

С учетом приведенного выше Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод суда апелляционной инстанции о включении спорных периодов работы Х. в должности каменщика стройчасти в специальный стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости, как подтвержденный недопустимыми средствами доказывания, не основанным на законе, в связи с чем отменила апелляционное определение суда апелляционной инстанции, оставив в силе решение суда первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 июля 2017 г. № 19-КГ17-13)

10. При наличии спора между работником и работодателем о льготном характере работы работника в целях досрочного назначения страховой пенсии по старости работодатель должен доказать, что он подавал в пенсионный орган достоверные сведения о страховом стаже такого работника исходя из условий его труда и определенного ему условиями трудового договора рабочего времени.

В страховой стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости в связи с работой с тяжелыми условиями труда включаются периоды выполнения такой работы, если она составляет не менее 80 процентов рабочего времени. В это рабочее время входит не только непосредственное время выполнения работ с тяжелыми условиями труда, но и время выполнения подготовительных и вспомогательных работ.

М. обратился в суд с иском к акционерному обществу, пенсионному органу о возложении обязанности начислить и уплатить страховые взносы на обязательное пенсионное страхование по дополнительному тарифу, зачесть в страховой стаж период работы для досрочного назначения страховой пенсии по старости.

В обоснование заявленных требований М. ссылался на то, что работал в акционерном обществе в должности электрогазосварщика 4 разряда, занимаемая им должность включена в Список № 2 производств, работ, профессий, должностей и показателей с вредными и тяжелыми условиями труда, занятость в которых дает право на пенсию по возрасту (по старости) на льготных условиях, утвержденный постановлением Кабинета Министров СССР от 26 января 1991 г. № 10. Сварочные работы производились М. на стационарном сварочном посту полный восьмичасовой рабочий день, в состав заработной платы М. включена доплата за работу во вредных условиях труда в размере 12% должностного оклада.

При обращении в пенсионный орган М. стало известно о том, что весь период его работы электрогазосварщиком в акционерном обществе не учтен для целей досрочного назначения страховой пенсии по старости по п. 2 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” (работа с тяжелыми условиями труда), поскольку работодателем не уплачивался предусмотренный ст. 428 НК РФ дополнительный тариф страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований М., суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, указал на то, что в материалах дела отсутствуют документы, достоверно свидетельствующие о занятости М. в период его работы в акционерном обществе на работах с вредными, тяжелыми и опасными условиями труда в течение 80% рабочего времени и более. Трудовая книжка, должностная инструкция электрогазосварщика 4 разряда, графики учета рабочего времени, расчетные листки и справки о доходах М. не свидетельствуют в должной мере о занятости М. не менее 80% рабочего времени на работах с тяжелыми условиями труда. Согласно хронометражу рабочего времени М. его занятость на работах с тяжелыми условиями труда в течение рабочего времени составляла 51%.

Кассационный суд общей юрисдикции не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального или процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с нарушениями норм процессуального права.

Право на обязательное социальное страхование относится к числу основных прав работников (абз. 15 ч. 1 ст. 21 ТК РФ). Этому праву корреспондирует обязанность работодателя осуществлять обязательное социальное страхование работников в порядке, установленном федеральными законами (абз. 15 ч. 2 ст. 22 ТК РФ).

Одним из видов страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию является пенсия по старости, предоставляемая в рамках системы обязательного пенсионного страхования. Лица, работающие по трудовому договору, являющиеся застрахованными лицами в соответствии с Федеральным законом “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации”. Их право на получение пенсии по обязательному пенсионному страхованию обеспечивается уплатой страхователями (работодателями лиц, работающих

по трудовому договору) соответствующих страховых взносов в пенсионный орган. При этом на страхователей (работодателей) законом возложена безусловная обязанность своевременно и в полном объеме уплачивать страховые взносы, предоставлять пенсионному органу и (или) налоговому органу сведения, необходимые для ведения индивидуального (персонифицированного) учета в отношении каждого работника. От надлежащего исполнения работодателем этой обязанности зависит право работника на получение страховой пенсии по старости.

Пунктом 2 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” предусмотрено, что страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 настоящего Федерального закона, при наличии величины индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30, в частности мужчинам по достижении возраста 55 лет, если они проработали на работах с тяжелыми условиями труда не менее 12 лет 6 месяцев и имеют страховой стаж не менее 25 лет.

Исходя из положений ст.ст. 4, 11, 28, 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”, ст.ст. 3, 6, 7, 14 Федерального закона “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации”, ст.ст. 3, 16 Федерального закона “Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования”, абз. 1 п. 4 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьями 27 и 28 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 516, если работник был принят работодателем на работу на полный рабочий день, осуществляет трудовую функцию у данного работодателя в должности (профессии) и на производстве, указанных в соответствующем списке, и по результатам специальной оценки условий труда работника на его рабочем месте установлены вредные и (или) опасные условия труда, а работодатель не представлял в пенсионный орган сведения о льготном характере работы работника для отражения таких сведений в данных индивидуального (персонифицированного) учета и не уплачивал страховые взносы на обязательное пенсионное страхование работника, при наличии спора между работником и работодателем о льготном характере работы работника в целях досрочного назначения страховой пенсии работодатель должен доказать, что он подавал в пенсионный орган достоверные сведения о страховом стаже такого работника исходя из условий его труда и определенного ему условиями трудового договора рабочего времени, т.е. надлежащим образом исполнил установленную положениями ст. 22 ТК РФ обязанность по осуществлению обязательного социального страхования такого работника в порядке, установленном федеральными законами.

Судебные инстанции неправильно распределили между сторонами спора бремя доказывания факта выполнения М. в спорный период в течение полного рабочего дня работы в качестве электрогазосварщика, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, и достоверности отражения данных об этом периоде его работы в сведениях индивидуального (персонифициро-

ванного) учета. Судебные инстанции фактически обосновали свое решение теми сведениями (документами), достоверность которых оспаривалась М., при этом не дали данным сведениям правовой оценки с учетом подлежащих применению норм материального права, регулирующих спорные отношения, и положений ст.ст. 55, 56, 59, 60 ГПК РФ о доказательствах и доказывании, неправомерно возложив на М. (экономически более слабую сторону в трудовых отношениях) обязанность подтвердить факт выполнения им работы в условиях, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии в связи с тяжелыми условиями труда, и освободили работодателя от представления доказательств отсутствия факта выполнения М. работы в таких условиях.

Между тем М. в суде приводил доводы о том, что выполнение им работы с тяжелыми условиями труда полный рабочий день, т.е. более 80% рабочего времени, подтверждено письменными доказательствами, в числе которых: трудовой договор, по условиям которого работа электрогазосварщиком в акционерном обществе являлась для М. основной работой, занятость М. составляет полный восьмичасовой рабочий день; должностные инструкции, в соответствии с которыми на М. не возлагалось каких-либо иных должностных обязанностей, кроме сварочных работ; таблицы учета рабочего времени, согласно которым М. работал в занимаемой должности полный рабочий день — 8 часов; расчетные листки о выплате М. заработной платы с учетом надбавки за вредность за фактически отработанное время во вредных условиях труда — за полный рабочий день; справка о хронометраже рабочего времени М., по которой сварочные, подготовительные и вспомогательные работы составляли более 80% рабочего времени; карты специальной оценки условий труда по должности электрогазосварщика 4 разряда, согласно которым М. установлен класс условий труда по вредным опасным факторам — 3.2, а также предоставлены гарантии и компенсации как работнику, занятому во вредных условиях труда, в том числе право на досрочное назначение страховой пенсии.

Однако суды первой и апелляционной инстанций сослались лишь на то, что представленные М. доказательства в должной мере не свидетельствуют о его занятости не менее 80% рабочего времени на работах с тяжелыми условиями труда, при этом не привели круг доказательств, которыми может быть подтвержден факт выполнения М. работы в тяжелых условиях труда, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также обратила внимание на то, что суды первой и апелляционной инстанций не учли разъяснения Минтруда России от 22 мая 1996 г. № 5 “О порядке применения Списков производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих в соответствии со статьями 12, 78 и 78¹ Закона РСФСР “О государственных пенсиях в РСФСР” право на пенсию по старости в связи с особыми условиями труда и на пенсию за выслугу лет”, утвержденного постановлением Минтруда России от 22 мая 1996 г. № 29, о том, что в 80% рабочего времени включается не только непосредственное время выполнения работ с тяжелыми условиями труда, но и время выполнения подготовительных и вспомогательных работ, а у работников,

выполняющих работу при помощи машин и механизмов, также время выполнения ремонтных работ текущего характера и работ по технической эксплуатации оборудования. В указанное время также может включаться время выполнения работ, производимых вне рабочего места с целью обеспечения основных трудовых функций.

По данным хронометража рабочего времени М., выполнение им сварочных работ составляло 51% рабочего времени, подготовительных работ — 36,5% рабочего времени. Этому обстоятельству суды первой и апелляционной инстанций вследствие неправильного применения норм материального права надлежащей правовой оценки не дали.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

На основании изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 июля 2023 г. № 58-КГ23-10-К9)

Аналогичная правовая позиция изложена в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 сентября 2023 г. № 69-КГ23-17-К7.

11. Прохождение службы в рядах Вооруженных Сил СССР гражданином Союза ССР — государства, имевшего единую территорию, включавшую территории союзных республик, засчитывается в страховой стаж независимо от того, на территории какой союзной республики гражданин Союза ССР проходил военную службу.

Прокурор, действуя в интересах З., обратился в суд с иском заявлением в порядке ст. 45 ГПК РФ к пенсионному органу о включении в страховой стаж З. периода прохождения им действительной срочной военной службы в составе Вооруженных Сил СССР с 4 ноября 1976 г. по 10 ноября 1978 г. на территории Прибалтийского военного округа, возложении на пенсионный орган обязанности учитывать этот период при расчете величины индивидуального пенсионного коэффициента, о назначении З. страховой пенсии по старости с момента обращения за ее назначением в пенсионный орган — с 1 ноября 2017 г.

Решением пенсионного органа З. отказано в назначении страховой пенсии по старости в связи с отсутствием у него требуемого на момент обращения размера величины индивидуального пенсионного коэффициента, в расчет индивидуального пенсионного коэффициента З. пенсионным органом не был включен период прохождения им действительной срочной военной службы в Вооруженных Силах СССР со ссылкой на то, что данный период не был подтвержден и засчитан Эстонской Республикой.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований прокурора, действующего в интересах З., суд первой инстанции исходил из того, что для решения вопроса об отнесении периода действительной срочной военной службы З. к страховому стажу, приобретенному на территории Российской Федерации (РСФСР), юридическое значение имеет место несения такой службы, в связи с чем при-

шел к выводу, что поскольку 3. проходил действительную срочную военную службу в спорный период не на территории РСФСР, а на территории Эстонской ССР, и данный период прохождения 3. военной службы не был включен Эстонской Республикой на основании действующего эстонского законодательства в его пенсионный стаж, то расчет величины индивидуального пенсионного коэффициента 3. правомерно произведен пенсионным органом с учетом его страхового стажа, имевшего место только на территории Российской Федерации, без включения периода действительной срочной военной службы 3.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном применении норм материального права в связи со следующим.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О страховых пенсиях» в страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности, которые предусмотрены ст. 11 данного Федерального закона, засчитывается период прохождения военной службы, а также другой приравненной к ней службы, предусмотренной Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»¹.

При исчислении страхового стажа в целях определения права на страховую пенсию периоды работы и (или) иной деятельности, которые имели место до дня вступления в силу Федерального закона «О страховых пенсиях» и засчитывались в трудовой стаж при назначении пенсии в соответствии с законодательством, действовавшим в период выполнения работы (деятельности), могут включаться в указанный стаж с применением правил подсчета соответствующего стажа, предусмотренных указанным законодательством (в том числе с учетом льготного порядка исчисления стажа), по выбору застрахованного лица (ч. 8 ст. 13 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

Статьей 13 Конституции (Основного Закона) СССР от 5 декабря 1936 г., действовавшей на момент призыва 3. на действительную срочную военную службу в рядах Вооруженных Сил СССР, было определено, что Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик, в их числе Эстонская Советская Социалистическая Республика.

¹ В настоящее время — Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей».

Статьей 132 Конституции (Основного Закона) СССР от 5 декабря 1936 г. предусматривалось, что всеобщая воинская обязанность является законом. Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР.

7 октября 1977 г. Верховным Советом СССР была принята Конституция (Основной Закон) СССР (действовала в период прохождения 3. действительной срочной военной службы в рядах Вооруженных сил СССР), в ст. 63 которой устанавливалось, что воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная обязанность советских граждан.

В ст. 70 Конституции (Основного Закона) СССР от 7 октября 1977 г. провозглашалось, что Союз Советских Социалистических Республик есть единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик. В Союзе Советских Социалистических Республик объединялись 15 союзных республик, в том числе Эстонская Советская Социалистическая Республика (ст. 71).

Территория СССР была едина и включала территории союзных республик. Суверенитет СССР распространялся на всю его территорию (ст. 75 Конституции (Основного Закона) СССР от 7 октября 1977 г.).

Статьями 3, 5 и 8 Закона СССР от 12 октября 1967 г. № 1950-VII «О всеобщей воинской обязанности», действовавшего в период прохождения 3. военной службы, предусматривалось, что все мужчины — граждане СССР, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства, обязаны были проходить действительную военную службу в рядах Вооруженных Сил СССР. Воинская служба состоит из действительной военной службы и службы в запасе Вооруженных Сил СССР. Солдаты, матросы, сержанты и старшины, проходившие действительную военную службу в пределах сроков, установленных данным законом, считались состоящими на действительной срочной военной службе.

В ст. 78 вышеназванного Закона СССР закреплялось, что время нахождения граждан на действительной военной службе в рядах Вооруженных Сил СССР засчитывается в их трудовой стаж.

В соответствии с подп. «к» п. 109 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 г. № 590, служба в составе Вооруженных Сил СССР засчитывалась в общий стаж работы.

Согласно абз. 14 п. 109 названного Положения при назначении на льготных условиях или в льготных размерах пенсий по старости и инвалидности рабочим и служащим, работавшим на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах и на других работах с тяжелыми условиями труда период службы в составе Вооруженных Сил СССР приравнивался по выбору обратившегося за назначением пенсии либо к работе, которая предшествовала данному периоду, либо к работе, которая следовала за окончанием этого периода.

Из изложенного следует, что гражданин СССР, проходивший действительную срочную военную

службу по призыву в составе Вооруженных Сил СССР, выполнял возложенную на него Конституцией (Основным Законом) СССР обязанность советского гражданина. Период прохождения службы в рядах Вооруженных Сил СССР подлежал включению в трудовой стаж гражданина независимо от места призыва его на военную службу в ряды Вооруженных Сил СССР и места прохождения им военной службы.

Суды первой и апелляционной инстанций приведенные нормативные положения к спорным отношениям не применили и разрешили спор по исковым требованиям прокурора в интересах З. со ссылкой лишь на закрепленный в Договоре между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 г. пропорциональный принцип подсчета пенсионного стажа без применения норм этого договора в системном единстве и взаимосвязи с нормами Федерального закона "О страховых пенсиях" и положениями законодательства, действовавшего в период прохождения З. действительной срочной военной службы в Вооруженных Силах СССР.

В связи с этим Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала не основанным на законе суждение судебных инстанций о том, что для решения вопроса об отнесении периода действительной срочной военной службы З. к страховому стажу, приобретенному на территории Российской Федерации (РСФСР), юридическое значение имеет место несения такой службы, и указала, что прохождение службы в рядах Вооруженных Сил СССР гражданином Союза ССР — государства, имевшего единую территорию, включавшую территории союзных республик, засчитывалось в трудовой стаж гражданина независимо от того, на территории какой союзной республики гражданин Союза ССР проходил военную службу.

Ввиду того, что компетентным учреждением Эстонской Республики период прохождения З. действительной срочной военной службы в рядах Вооруженных Сил СССР с 4 ноября 1976 г. по 10 ноября 1978 г. в Прибалтийском военном округе на территории Эстонской ССР не был включен в его страховой стаж, названный период с учетом норм Федерального закона "О страховых пенсиях" подлежал включению в страховой стаж З. и учету при расчете величины индивидуального пенсионного коэффициента для назначения З. страховой пенсии по старости.

Исходя из изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2020 г. № 16-КГ19-34)

12. Учебный отпуск с сохранением заработной платы, предоставленный работнику в период работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, подлежит включению в специальный стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости.

П. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения в части отказа во включении периодов работы в стаж, даю-

щий право на досрочное назначение страховой пенсии, включении периодов работы в стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии, и о возложении обязанности досрочно назначить страховую пенсию по старости.

В обоснование заявленных требований П. указала, что в специальный стаж, дающий право на досрочное пенсионное обеспечение, пенсионным органом не были засчитаны периоды ее нахождения в учебных отпусках во время работы в должности воспитателя детского комбината.

Оспаривая законность принятого пенсионным органом решения, П. полагала, что исключение из специального педагогического стажа учебных отпусков противоречит положениям действующего пенсионного законодательства, так как периоды нахождения в учебных отпусках являются периодами работы с сохранением средней заработной платы, с которой работодатель производит отчисления страховых взносов в пенсионный орган.

Отказывая в удовлетворении исковых требований П. о включении в ее специальный стаж периодов нахождения в учебных отпусках, суд первой инстанции исходил из того, что начиная с 1 сентября 2000 г. работа в должностях и учреждениях, указанных в списке, засчитывается в специальный стаж при условии выполнения (суммарно по основному и другим местам работы) нормы рабочего времени (педагогической или учебной нагрузки), установленной за ставку заработной платы (должностной оклад), однако в период нахождения в учебных отпусках П. не выполняла норму рабочего времени (педагогической нагрузки).

Поскольку продолжительность специального стажа П. на дату обращения в пенсионный орган составила 24 года 9 месяцев 8 дней, что не дает ей право на назначение досрочной страховой пенсии, суд первой инстанции отказал в удовлетворении ее требования о возложении на ответчика обязанности досрочно назначить страховую пенсию по старости с указанной даты.

С выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального права.

Согласно п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона "О страховых пенсиях" страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 названного Федерального закона, при наличии величины индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30 лицам, не менее 25 лет осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, независимо от их возраста.

В силу ч. 2 ст. 30 названного Федерального закона списки соответствующих работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых назначается страховая пенсия по старости в соответствии с ч. 1 данной статьи, правила исчисления периодов работы (деятельности) и назначения указанной пенсии при необходимости утверждаются Правительством РФ.

Периоды работы (деятельности), имевшие место до дня вступления в силу Федерального закона "О страховых пенсиях", согласно ч. 3 ст. 30 данно-

го Федерального закона засчитываются в стаж на соответствующих видах работ, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, при условии признания указанных периодов в соответствии с законодательством, действовавшим в период выполнения данной работы (деятельности), дающий право на досрочное назначение пенсии.

Периоды работы (деятельности), имевшие место до дня вступления в силу названного Федерального закона, могут исчисляться с применением правил исчисления, предусмотренных законодательством, действовавшим при назначении пенсии в период выполнения данной работы (деятельности) (ч. 4 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”).

В целях реализации положений ст. 30 указанного Федерального закона Правительством РФ принято постановление от 16 июля 2014 г. № 665 “О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение”.

Статьей 116 ТК РФ установлено, что ежегодные дополнительные оплачиваемые отпуска предоставляются работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, работникам, имеющим особый характер работы, работникам с ненормированным рабочим днем, работникам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других случаях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами.

Одним из видов дополнительных отпусков является отпуск, предоставляемый работодателем работникам, совмещающим работу с обучением в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, и работникам, поступающим в указанные образовательные учреждения (ст. 173 ТК РФ).

Согласно ст. 173 ТК РФ (в редакции, действовавшей в спорные периоды работы П.) работникам, направленным на обучение работодателем или поступившим самостоятельно в имеющие государственную аккредитацию образовательные учреждения высшего профессионального образования независимо от их организационно-правовых форм по заочной и очно-заочной (вечерней) формам обучения, успешно обучающимся в этих учреждениях, работодатель предоставляет дополнительные отпуска с сохранением среднего заработка¹.

Из подлежащего применению правового регулирования (в том числе ст.ст. 116, 173 ТК РФ, Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подпунктом 19 пункта 1 статьи 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Рос-

сийской Федерации”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781) следует, что периоды нахождения работника в дополнительном отпуске с сохранением среднего заработка, предоставляемом работодателем работнику, совмещающему работу с обучением в образовательных учреждениях высшего профессионального образования (учебные отпуска), являются периодами работы с сохранением средней заработной платы, с которой работодатель должен производить отчисления страховых взносов в пенсионный орган.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона “О страховых пенсиях” в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации лицами, указанными в ч. 1 ст. 4 этого Федерального закона, при условии, что за эти периоды начислялись и уплачивались страховые взносы в пенсионный орган.

Таким образом, в случае предоставления работнику учебного отпуска с сохранением среднего заработка в период работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости и включаемой в специальный стаж, периоды таких отпусков также подлежат включению в специальный стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости.

Как установлено судом, П. в спорные периоды обучалась в имеющих государственную аккредитацию высших учебных заведениях, в эти периоды ей предоставлялись учебные отпуска с сохранением заработной платы, из которой производились установленные законодательством отчисления, в том числе и в пенсионный орган. Данные обстоятельства судебными инстанциями при разрешении спора учтены не были.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что обжалуемые судебные постановления об отказе П. в удовлетворении исковых требований о признании незаконным решения пенсионного органа в части невключения учебных отпусков в специальный стаж работы, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”, и, как следствие, в части отказа в досрочном назначении страховой пенсии по старости по этому основанию являются незаконными, в связи с чем отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 августа 2016 г. № 18-КГ16-85)

13. При разрешении спора о праве на досрочное назначение страховой пенсии по старости лица, осуществлявшего педагогическую деятельность в образовательных учреждениях, предусмотренных соответствующими списками, форма собственности таких учреждений (государственная, муниципальная, частная) правового значения не имеет.

У. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения об отказе в досрочном назначении страховой пенсии по старости по п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” (в связи с осуществлением педагогической деятельности в учреждениях для

¹С 1 сентября 2013 г. — работникам, направленным на обучение работодателем или поступившим самостоятельно на обучение по имеющим государственную аккредитацию программам бакалавриата, программам специалитета или программам магистратуры по заочной и очно-заочной формам обучения и успешно осваивающим эти программы (Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ).

детей¹), включении в специальный педагогический стаж периодов работы с 16 августа 1994 г. по 25 августа 1998 г. и с 2 сентября 2002 г. по 25 августа 2006 г. в должности учителя начальных классов в негосударственных образовательных учреждениях — “Авторская экспериментальная школа”, “Центр образования и развития”.

В обоснование заявленных требований истец указала, что в спорные периоды, которые не засчитаны в ее специальный стаж пенсионным органом, она осуществляла педагогическую деятельность в образовательных учреждениях, предусмотренных соответствующими списками, что дает ей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в связи с осуществлением педагогической деятельности. Решением пенсионного органа У. отказано в досрочном назначении страховой пенсии по старости по п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с отсутствием требуемого 25-летнего стажа педагогической деятельности в учреждениях для детей.

Разрешая спор и отказывая У. в удовлетворении исковых требований о включении в специальный педагогический стаж периодов работы в должности учителя начальных классов в негосударственных образовательных учреждениях, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что в списке должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подпунктом 19 пункта 1 статьи 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утвержденном постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781, образовательные учреждения, в которых У. работала в спорные периоды, не поименованы. Суд первой инстанции исходил из того, что основная цель деятельности этих образовательных учреждений — извлечение прибыли, в связи с чем такие учреждения являются коммерческими организациями и не могут быть отнесены к числу образовательных учреждений, работа в которых подлежит зачету в специальный педагогический стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости, независимо от формы собственности.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, указав следующее.

В соответствии с положениями ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”, разъяснениями, изложенными в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 30 “О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии”, право на досрочное назначение страховой пенсии по старости имеют лица, непосредственно осуществлявшие не менее 25 лет педагогическую деятельность в определенных должностях и в опреде-

ленных учреждениях для детей, предусмотренных соответствующими списками учреждений, организаций и должностей. При этом форма собственности (государственная, муниципальная, частная) учреждений при разрешении вопроса о праве лица на досрочное назначение страховой пенсии по старости, осуществлявшего педагогическую деятельность в учреждениях, предусмотренных соответствующими списками, правового значения не имеет.

В действовавших в спорные периоды деятельности У. списках² должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости в связи с осуществлением педагогической деятельности, указаны школы всех наименований, центр образования.

Однако суды первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела по иску У. о проверке законности решения пенсионного органа об отказе в досрочном назначении ей страховой пенсии по старости неправильно применили к спорным отношениям нормативные положения, устанавливающие возможность досрочного назначения страховой пенсии по старости тем лицам, которые осуществляли педагогическую деятельность в учреждениях для детей, предусмотренных соответствующими списками учреждений, независимо от формы собственности этих учреждений.

Вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что негосударственные образовательные учреждения, в которых У. осуществляла педагогическую деятельность в спорные периоды, являются коммерческими организациями и не могут быть отнесены к числу образовательных учреждений, работа в которых подлежит зачету в стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости работникам, осуществлявшим педагогическую деятельность, независимо от форм собственности, является неправомерным.

Исходя из системного толкования норм материального права, определяющих правовой статус учреждений (ст.ст. 50, 120, 123²¹ ГК РФ), и положений законодательства, регулирующих отношения в сфере образования (ст.ст. 12, 22 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-I “Об образовании”, действовавшего в спорные периоды педагогической деятельности У.), Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”, образовательная организация является некоммерческой организацией, созданной собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера, и может создаваться в организационно-правовых формах, установленных гражданским законодательством для некоммерческих организаций, в том числе в форме учреждения, которое в зависимости от того, кем оно создано, может быть государственным, муниципальным или частным.

В уставах негосударственных образовательных учреждений “Авторская экспериментальная школа” и “Центр образования и развития”, где осуществ-

¹С 30 апреля 2021 г. — в организациях для детей (ст. 18 Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 117-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”).

²Перечень списков приведен в постановлении Правительства РФ от 16 июля 2014 г. № 665 “О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение”.

вляла педагогическую деятельность У., в качестве основной цели деятельности такая цель, как извлечение прибыли, не указана. То обстоятельство, что обучение в негосударственных образовательных учреждениях, в которых У. работала в спорные периоды, было платным, не изменяет характер деятельности данных учреждений и не свидетельствует о том, что эти учреждения являются коммерческими организациями, основная цель деятельности которых в силу положений п. 1 ст. 50 ГК РФ — извлечение прибыли.

Следовательно, работники негосударственных организаций, в том числе педагогические работники школ и других образовательных учреждений для детей, не относящихся к государственным или муниципальным, имеют право на государственное пенсионное обеспечение наравне с работниками государственных образовательных учреждений.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала не основанными на законе выводы судебных инстанций о том, что негосударственные образовательные учреждения, где У. работала в спорные периоды, являются коммерческими организациями и они не могут быть отнесены к числу образовательных учреждений, работа в которых подлежит зачету в специальный педагогический стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости, отменила принятые по делу судебные постановления об отказе У. во включении в специальный педагогический стаж периодов работы в должности учителя начальных классов в негосударственных образовательных учреждениях и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 августа 2018 г. № 50-КГ18-13)

14. Период прохождения интернатуры отдельными категориями врачей в должностях, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, засчитывается им в льготном исчислении в стаж работы при условии документального подтверждения выполнения функциональных обязанностей по должности врача.

Т. обратился в суд с иском к пенсионному органу о включении в специальный стаж в льготном исчислении периода его работы в должности врача-интерна в областной больнице, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, а также о признании права на досрочное назначение пенсии по старости.

В обоснование заявленных требований Т. указал, что со 2 августа 1993 г. по 31 августа 1994 г. он осуществлял трудовую деятельность в должности врача-интерна отделения анестезиологии-реанимации в областной клинической ортопедо-хирургической больнице восстановительного лечения. Данный период включен пенсионным органом в его специальный стаж в календарном исчислении, однако, по мнению Т., этот период должен быть засчитан в стаж в льготном исчислении как один год работы за один год и шесть месяцев.

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований Т. о включении в специальный стаж в льготном исчислении как один год работы за один год и шесть месяцев периода его работы в должности врача-интерна отделения анестезиологии-реанимации в областной клинической ортопедо-хирургической больнице

восстановительного лечения, суд первой инстанции сослался на отсутствие документов, подтверждающих участие Т. в операциях в этот период.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении и толковании норм материального права и сделанными с нарушением норм процессуального права.

Из нормативных положений п. 20 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” в частности следует, что право на досрочное назначение страховой пенсии по старости имеют лица, не менее 30 лет осуществлявшие в городах лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, предусмотренных соответствующими списками учреждений, организаций и должностей, работа в которых дает право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в связи с осуществлением лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения.

К спорному периоду работы Т. исходя из ч. 3 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” в должности врача-интерна отделения анестезиологии-реанимации подлежит применению Список профессий и должностей работников здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений, лечебная и иная работа которых по охране здоровья населения дает право на пенсию за выслугу лет, утвержденный постановлением Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 464 (далее — Список).

Согласно названному Списку, в стаж, дающий право на пенсию за выслугу лет, работникам здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений засчитываются все виды лечебной и иной работы по охране здоровья населения в учреждениях (организациях) и должностях, предусмотренных этим Списком, независимо от ведомственной подчиненности учреждений (организаций). В Списке указаны врачи и средний медицинский персонал независимо от наименования должности лечебно-профилактических и санитарно-эпидемиологических учреждений всех форм собственности, а также врачи и средний медицинский персонал, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью.

Исчисление сроков выслуги отдельным категориям работников здравоохранения, названным в этом Списке, производится по правилам, установленным в п. 2 постановления Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 464, в частности врачам-анестезиологам-реаниматорам, среднему медицинскому персоналу отделений (групп) анестезиологии-реанимации, отделений (палат) реанимации и интенсивной терапии, — один год работы в этих должностях и подразделениях засчитывается за один год и шесть месяцев.

Как усматривается из материалов дела, после окончания обучения 15 июня 1993 г. в государственном медицинском институте Т. с 2 августа 1993 г. был принят в областную клиническую ортопедо-хирургическую больницу восстановительного лечения на должность врача-интерна отделения анестезиологии-реанимации с полным рабочим днем и на полную ставку.

В период пребывания Т. на этой должности действовало Положение об одногодичной специа-

лизации (интернатуре) выпускников лечебных, педиатрических и стоматологических факультетов медицинских институтов и медицинских факультетов университетов, являющееся приложением № 3 к приказу Министерства здравоохранения СССР от 20 января 1982 г. № 44 “О мерах по дальнейшему улучшению подготовки врачей-кадров в интернатуре”, утвержденному Министром здравоохранения СССР 12 января 1982 г., Министром высшего и среднего специального образования СССР 20 января 1982 г.

Согласно этому положению одногодичная специализация (интернатура) являлась обязательной формой последиplomной подготовки выпускников лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов медицинских институтов и медицинских факультетов университетов, по окончании которой врачам-интернам присваивалась квалификация врача-специалиста. При этом врачам-интернам оформлялась трудовая книжка и выплачивалась заработная плата за весь период прохождения интернатуры, они обладали правами и несли ответственность за свои действия наравне с врачами, работающими на самостоятельной работе, выполняли рабочую нагрузку по каждой специальности, устанавливаемую на основании типовых планов подготовки врачей-интернов.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций при рассмотрении исковых требований Т. не применили к спорным отношениям приведенные нормативные положения, в связи с чем возникший спор разрешили неправильно, посчитав обоснованным включение пенсионным органом спорного периода в специальный стаж Т. в календарном исчислении.

Между тем в соответствии с нормативными положениями, подлежащими применению к спорным отношениям в их взаимосвязи, период прохождения интернатуры отдельными категориями врачей, в том числе врачами-анестезиологами-реаниматологами, мог быть засчитан им в льготном исчислении в стаж работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, при условии документального подтверждения выполнения врачом-интерном функциональных обязанностей по должности врача-специалиста.

Т. в обоснование своих требований о наличии оснований для включения в специальный стаж в льготном исчислении как один год работы за один год и шесть месяцев периода его работы с 2 августа 1993 г. по 31 августа 1994 г. в должности врача-интерна пояснял, что в этот период работы он занимал должность врача-интерна отделения анестезиологии-реанимации в областной клинической ортопедо-хирургической больнице восстановительного лечения, по данной должности получал заработную плату, им проводилось обезболивание, оказание анестезиологической и реанимационной помощи больным в течение полного рабочего дня и на полную ставку. В подтверждение данного довода Т. была представлена справка, в которой указано, что Т. работал в областной клинической ортопедо-хирургической больнице восстановительного лечения в должности врача-интерна отделения анестезиологии-реанимации с полным рабочим днем и на полную ставку с 2 августа 1993 г. и до его перевода 1 сентября 1994 г. на должность врача-анестезиолога-реаниматолога отделения анестезиологии-реанимации.

Суды первой и апелляционной инстанций в нарушение требований процессуального закона не исследовали и не дали оценку представленным Т. доказательствам, подтверждающим выполнение им при прохождении интернатуры в полном объеме функциональных обязанностей врача-специалиста (врача-анестезиолога-реаниматолога).

С учетом изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 октября 2022 г. № 18-КГ22-90-К4)

15. Время пребывания врача в клинической ординатуре засчитывается в стаж работы по специальности, дающий право на досрочное назначение пенсии, в соответствии с законодательством, действовавшим в этот период.

В. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения об отказе в досрочном назначении страховой пенсии по старости по п. 20 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” (в связи с осуществлением лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения); об обязанности досрочно назначить ему страховую пенсию по старости с момента обращения в пенсионный орган, включив в стаж работы периоды повышения квалификации, работы врачом-ординатором, работы в должности врача ультразвуковой диагностики.

В обоснование заявленных требований В. указывал, что является дипломированным медицинским работником, осуществляющим лечебную деятельность в учреждении здравоохранения более 30 лет, в связи с чем полагал отказ пенсионного органа в досрочном назначении ему страховой пенсии по старости незаконным.

Решением суда первой инстанции исковые требования В. удовлетворены частично. Суд обязал ответчика включить в стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, периоды повышения квалификации и периоды работы в должности врача ультразвуковой диагностики. В удовлетворении исковых требований о включении в стаж работы периодов работы врачом-ординатором, признании за В. права на досрочное назначение страховой пенсии по старости с момента его обращения в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований В. о включении в стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, периода пребывания в целевой клинической ординатуре по специальности “ультразвуковая диагностика” в научно-исследовательской лаборатории при Министерстве здравоохранения СССР (с 1 сентября 1986 г. по 31 августа 1988 г.), суд первой инстанции указал, что истцом не представлено доказательств того, что в период пребывания в ординатуре он работал в должности врача.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований В. о досрочном назначении страховой пенсии по старости ввиду того, что на дату обращения В. в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости

(23 марта 2017 г.) его специальный стаж составлял менее 30 лет.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения состоявшиеся по делу судебные постановления.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований В. о включении в его стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии, периода пребывания в целевой клинической ординатуре основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения в связи со следующим.

Основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на страховые пенсии, в том числе порядок и условия сохранения права на досрочное назначение страховой пенсии, установлены Федеральным законом «О страховых пенсиях», вступившим в силу с 1 января 2015 г.

Периоды работы (деятельности), имевшие место до дня вступления в силу этого Федерального закона, засчитываются в стаж на соответствующих видах работ, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, при условии признания указанных периодов в соответствии с законодательством, действовавшим в период выполнения данной работы (деятельности), дающий право на досрочное назначение пенсии (ч. 3 ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

В ч. 4 ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях» установлено, что периоды работы (деятельности), имевшие место до дня вступления в силу названного Федерального закона, могут исчисляться с применением правил исчисления, предусмотренных законодательством, действовавшим при назначении пенсии в период выполнения данной работы (деятельности).

Подпунктом «н» п. 1 постановления Правительства РФ от 16 июля 2014 г. № 665 предусмотрено, что при определении стажа на соответствующих видах работ в целях досрочного пенсионного обеспечения в соответствии со ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях» применяется при досрочном назначении страховой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, для учета периодов соответствующей деятельности, имевшей место до 1 января 1992 г., Перечень учреждений, организаций и должностей, работа в которых дает право на пенсию за выслугу лет (приложение к постановлению Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 г. № 1397 «О пенсиях за выслугу лет работникам просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства»).

В Перечне учреждений, организаций и должностей, работа в которых дает право на пенсию за выслугу лет (приложение к постановлению Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 г. № 1397 «О пенсиях за выслугу лет работникам просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства»), поименованы врачи независимо от наименования должности.

В. лечебную деятельность осуществлял с 24 сентября 1985 г. в должности исполняющего обязанности участкового врача-терапевта в терапевтическом отделении поликлиники, затем с 1 сентября

1986 г. зачислен в целевую клиническую ординатуру, окончил обучение 31 августа 1988 г. В период пребывания В. в целевой клинической ординатуре действовало Положение о клинической ординатуре, утвержденное приказом Министра здравоохранения СССР от 19 мая 1971 г. № 362¹.

Согласно п. 1 названного Положения клиническая ординатура — высшая форма повышения квалификации врачей в высших медицинских учебных заведениях, институтах усовершенствования врачей и научно-исследовательских институтах.

Пунктом 25 Положения о клинической ординатуре было определено, что целевая клиническая ординатура является одной из форм подготовки квалифицированных врачей-специалистов по направлениям министерств здравоохранения союзных республик, местных органов здравоохранения и ведомств.

В соответствии с пп. 2 и 3 типового плана подготовки врача через клиническую ординатуру (приложение к Положению о клинической ординатуре) клинический ординатор обязан за время пребывания в клинической ординатуре работать в стационаре и поликлинике. Клинические ординаторы выполняли лечебно-профилактическую работу в соответствии с режимом отделения (кабинета, лаборатории), за которым они закреплены, в объеме 50% нормы нагрузки врача соответствующей специальности.

Подпунктом «д» п. 20 Инструкции о порядке исчисления заработной платы работников здравоохранения и социального обеспечения, утвержденной приказом Министра здравоохранения СССР от 9 сентября 1964 г. № 496, установлено, что в стаж работы по специальности врачам засчитывается время пребывания в клинической ординатуре.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций при рассмотрении исковых требований В. нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям, не применили, в связи с чем возникший спор в части отказа в удовлетворении исковых требований В. разрешили неправильно.

Между тем из приведенных нормативных положений в их взаимосвязи следует, что согласно действующим в спорный период (с 1 сентября 1986 г. по 31 августа 1988 г.) нормативным правовым актам время пребывания врача в целевой клинической ординатуре засчитывалось в стаж работы по специальности, в связи с чем при обращении В. в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости по п. 20 ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях» как лицу, осуществлявшему лечебную деятельность в учреждениях здравоохранения не менее 30 лет, ему не могло быть отказано во включении периода пребывания в клинической ординатуре с 1 сентября 1986 г. по 31 августа 1988 г. в страховой стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии. Иное приводило бы к снижению уровня пенсионного обеспечения гражданина и к отмене для него права, приобретенного им в соответствии с ранее действовавшим законодательством и реализуемого им в конкретных правоотношениях.

¹ Утратило силу с 26 февраля 1993 г. в связи с изданием приказа Минздрава России от 17 февраля 1993 г. № 23 «Об утверждении «Положения о клинической ординатуре».

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты в части отказа в удовлетворении исковых требований В. об обязанности включить в стаж, дающий право на досрочное пенсионное обеспечение, период пребывания В. в целевой клинической ординатуре; признании за В. права на досрочное назначение страховой пенсии по старости с момента его обращения в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении страховой пенсии по старости, приняла по делу в отмененной части новое решение, которым указанные исковые требования В. удовлетворены.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 декабря 2020 г. № 5-КГ20-115-К2)

16. В стаж работы, дающей право на досрочное назначение пенсии в связи с осуществлением лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения, с 1 ноября 1999 г. включается только работа в должностях медицинских работников в санаториях определенного профиля, поименованных в соответствующих списках.

И. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о восстановлении пенсионных прав, признании незаконным решения пенсионного органа об исключении из специального стажа, дающего право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, периода ее работы в качестве медицинской сестры палатной терапевтического отделения в ОАО Санаторий “Металлург”.

В обоснование исковых требований И. ссылалась на то, что названным решением пенсионного органа ей отказано в досрочном назначении страховой пенсии по старости по п. 20 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с отсутствием требуемого 30-летнего стажа лечебной или иной деятельности по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения. В специальный медицинский стаж И. не был включен период ее работы в качестве медицинской сестры палатной терапевтического отделения в ОАО Санаторий “Металлург” (в настоящее время — АО Санаторий “Металлург”) с 1 ноября 1999 г. по 8 сентября 2016 г., поскольку данная организация не предусмотрена соответствующим списком должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения.

Удовлетворяя исковые требования И. о признании решения пенсионного органа незаконным, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что согласно списку должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения в соответствии с подпунктом 20 пункта 1 статьи 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утвержденному постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781, период работы в должности медицинской сестры палатной санатория для лечения больных с нарушениями опорно-двигательного аппарата подлежит включению в специальный стаж,

дающий право на досрочное назначение пенсии по старости. АО Санаторий “Металлург” в спорный период работы И. относился к санаториям для лечения больных с нарушениями опорно-двигательного аппарата, при этом направление лечебной деятельности санатория не изменилось после изменения его организационно-правовой формы, а также не изменился характер труда истца по занимаемой ею должности медицинской сестры палатной.

Поскольку изменение организационно-правовой формы АО Санаторий “Металлург” не привело к изменению функциональных обязанностей И. по занимаемой ею должности медицинской сестры палатной, суд пришел к выводу о тождественности должностных обязанностей медицинской сестры палатной, выполняемых истцом в ОАО Санаторий “Металлург” как до, так и после изменения организационно-правовой формы этого санатория, и, соответственно, о возможности включения в специальный стаж И. для досрочного назначения страховой пенсии по старости спорного периода ее работы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, в связи со следующим.

Согласно действовавшему до 1 ноября 1999 г. правовому регулированию в стаж, дающий право на пенсию за выслугу лет, работникам здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений засчитывались все виды лечебной и иной работы по охране здоровья населения в учреждениях (организациях) и должностях, предусмотренных прилагаемым Списком профессий и должностей работников здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений, лечебная и иная работа которых по охране здоровья населения дает право на пенсию за выслугу лет, утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 464, независимо от ведомственной подчиненности учреждений (организаций) (абз. 5 п. 2 постановления Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 464).

В Списке профессий и должностей работников здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений, лечебная и иная работа которых по охране здоровья населения дает право на пенсию за выслугу лет, утвержденном постановлением Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 464, были поименованы врачи и средний медицинский персонал независимо от наименования должности лечебно-профилактических и санитарно-эпидемиологических учреждений всех форм собственности, а также врачи и средний медицинский персонал, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью.

С 1 ноября 1999 г. был введен в действие новый Список должностей, работа в которых засчитывается в выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет в связи с лечебной и иной работой по охране здоровья населения, утвержденный постановлением Правительства РФ от 22 сентября 1999 г. № 1066.

Этим списком к учреждениям здравоохранения, работа в которых дает право на пенсию по выслуге лет в связи с лечебной и иной работой по охране здоровья населения, были отнесены, в частности, санатории (курорты) (в том числе детские) для лечения туберкулеза всех форм, для больных с последст-

виями полиомиелита, для гематологических больных, для лечения больных с нарушениями опорно-двигательного аппарата, для больных ревматизмом, психоневрологические (п. 21 Списка, раздел “Наименование учреждений”), к должностям — должность медицинской сестры палатной.

Аналогичное правовое регулирование предусмотрено и п. 21 раздела “Наименования учреждений” списка должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, в соответствии с подпунктом 20 пункта 1 статьи 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781.

С 1 ноября 1999 г. только медицинским работникам, работающим в санаториях определенного профиля, поименованного в указанных списках, периоды такой работы включаются в стаж работы, дающей право на досрочное назначение пенсии в связи с осуществлением лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения.

Федеральный законодатель, закрепляя право лиц, осуществляющих лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения, на досрочное назначение страховой пенсии по старости, учитывает не только специфику их профессиональной деятельности, но и особенности функционирования учреждений здравоохранения, организация труда в которых предполагает соблюдение специальных условий и выполнение определенной нагрузки, что само по себе не может рассматриваться как ограничение прав граждан на пенсионное обеспечение (Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1920-О).

Судебные инстанции неправильно применили нормы материального права, подлежащие применению к спорным отношениям, и в судебных постановлениях дали расширительное толкование п. 21 списков, утвержденных постановлениями Правительства РФ от 22 сентября 1999 г. № 1066 и от 29 октября 2002 г. № 781, в связи с чем пришли к ошибочному выводу о возможности включения в специальный стаж И. для досрочного назначения страховой пенсии по старости спорного периода ее работы в ОАО Санаторий “Металлург”.

Между тем из представленных в материалы дела учредительных документов ОАО Санаторий “Металлург”, а также выданных этому обществу лицензий и приложений к ним не следует, что данный санаторий имеет такие профили деятельности, как лечение туберкулеза всех форм, лечение больных с последствиями полиомиелита, гематологических больных, больных с нарушениями опорно-двигательного аппарата, больных ревматизмом и психоневрологических больных, т.е. перечисленных в п. 21 названных списков.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 июля 2019 г. № 43-КГ19-3)

Аналогичная правовая позиция изложена в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2016 г. № 78-КГ16-32, от 21 августа 2017 г. № 77-КГ17-18, от 23 октября 2017 г. № 8-КГ17-5.

17. Санаторная школа-интернат не относится к числу учреждений здравоохранения, работа в которых включается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения.

Н. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о включении периода работы в должности медицинской сестры бюджетного оздоровительного образовательного учреждения — санаторной школы-интерната в специальный стаж и досрочном назначении трудовой пенсии по старости в соответствии с подп. 20 п. 1 ст. 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” в связи с осуществлением лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения (с 1 января 2015 г. норма с аналогичным содержанием предусмотрена в п. 20 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”).

В обоснование заявленных требований Н. ссылалась на то, что решением пенсионного органа ей было отказано во включении в стаж осуществления лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения периода работы в должности медицинской сестры бюджетного оздоровительного образовательного учреждения санаторной школы-интерната с 29 ноября 1998 г. по 18 сентября 2014 г. по причине того, что это учреждение образовательное и не относится к учреждениям здравоохранения, работа в которых дает право на досрочное назначение страховой пенсии по старости.

По мнению Н., данный отказ пенсионного органа неправомерен, так как санаторная школа-интернат фактически является лечебно-профилактическим учреждением для детей, нуждающихся в длительном лечении.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Н., суд первой инстанции исходил из того, что период работы истца в должности медицинской сестры санаторной школы-интерната подлежит включению в специальный стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, так как санаторная школа-интернат осуществляет медицинскую деятельность, а именно оказывает первичную, в том числе доврачебную, и специализированную медико-санитарную помощь, а обязанности Н. соответствовали обязанностям медицинских сестер в государственных лечебных учреждениях.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении норм материального права к спорным отношениям.

Из нормативных положений подп. 20 п. 1 ст. 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, Списка профессий и должностей работников здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений, лечебная и иная работа которых по охране здоровья населения дает право на пенсию за выслугу лет, утвержденного

постановлением Совмина РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 464, списка должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, в соответствии с подпунктом 20 пункта 1 статьи 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781, следует, что в стаж работы, дающей право на досрочное назначение пенсии в связи с осуществлением лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения, засчитываются периоды работы в учреждениях здравоохранения.

Санаторная школа-интернат, как следует из номенклатуры учреждений здравоохранения, утвержденной приказом Минздрава России от 3 ноября 1999 г. № 395, единой номенклатуры государственных и муниципальных учреждений здравоохранения, утвержденной приказом Минздрава России от 3 июня 2003 г. № 229, не отнесена к учреждениям здравоохранения. В номенклатуре медицинских организаций, утвержденной приказом Минздрава России от 6 августа 2013 г. № 529н, санаторная школа-интернат также отсутствует.

Между тем назначение пенсии ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста связано не с любой работой в определенной сфере профессиональной деятельности, а лишь с такой, выполнение которой сопряжено с неблагоприятным воздействием различного рода факторов, повышенными психофизиологическими нагрузками, обусловленными спецификой и характером труда, в частности с лечебной и иной деятельностью по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения; при этом учитываются также и различия в характере труда, функциональных обязанностях лиц, работающих на одних и тех же должностях, но в разных по профилю и задачам деятельности учреждениях.

Отнесение названными выше списками определенного вида профессиональной деятельности к лечебной или иной деятельности по охране здоровья населения осуществляется на основе объективной оценки характера труда по той или иной должности и его условий, вида и профиля соответствующего учреждения. Следовательно, невключение вида учреждения (в данном случае — санаторной школы-интерната) в списки должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в связи с лечебной и иной деятельностью по охране здоровья населения, означает, что периоды трудовой деятельности в таком учреждении даже в должности, предусмотренной соответствующими списками, не засчитываются в стаж, дающий право на досрочное пенсионное обеспечение по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения.

Поскольку Н. в спорный период работала медицинской сестрой в образовательном оздоровительном учреждении (санаторной школе-интернате), которое не относится к учреждениям здравоохранения и не поименовано в соответствующих разделах указанных выше списков, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что нижестоящие судебные инстанции неправомерно включили в специаль-

ный стаж Н. период ее работы в должности медицинской сестры в санаторной школе-интернате, в связи с чем отменила судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении иска Н. о включении периода работы в должности медицинской сестры санаторной школы-интерната в специальный стаж и досрочном назначении трудовой пенсии по старости.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 июня 2016 г. № 13-КГ16-1)

18. В стаж работы в районах Крайнего Севера, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, включается период междувахтового отдыха.

С. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения об отказе в досрочном назначении страховой пенсии по старости, включении периодов междувахтового отдыха в стаж работы в районах Крайнего Севера, об обязанности досрочно назначить страховую пенсию по старости.

В обоснование заявленных требований истец ссылаясь на то, что решением пенсионного органа ему было отказано в досрочном назначении страховой пенсии по старости по п. 6 ч. 1 ст. 32 Федерального закона “О страховых пенсиях” (в связи с работой в районах Крайнего Севера) из-за отсутствия требуемого 15-летнего стажа работы в районах Крайнего Севера.

Учтенный пенсионным органом стаж работы в районах Крайнего Севера составил 13 лет 5 месяцев 25 дней. При этом из периода работы С. вахтовым методом в акционерном обществе в должности электромонтера по обслуживанию буровых установок с 11 августа 2003 г. по 2 октября 2006 г. (3 года 1 месяц 21 день) пенсионный орган включил в стаж работы С. в районах Крайнего Севера только время выполнения работ на объекте и время в пути от места нахождения работодателя до места выполнения работы и обратно (1 год 6 месяцев 7 дней). Периоды междувахтового отдыха пенсионным органом из подсчета специального стажа С. были исключены.

По мнению С., решение пенсионного органа об исключении из стажа работы в районах Крайнего Севера периода междувахтового отдыха является незаконным, поскольку периоды работы вахтовым методом в районах Крайнего Севера исчисляются в календарном порядке с включением в них периода междувахтового отдыха.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований С. отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований С., суд первой инстанции исходил из того, что в стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в связи с работой в районах Крайнего Севера, подлежит включению только время выполнения С. работ на объекте и время в пути от места нахождения работодателя до места выполнения работы и обратно без учета периодов междувахтового отдыха.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, ввиду следующего.

В соответствии с ч. 1 ст. 297 ТК РФ вахтовый метод — это особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания.

Вахтой считается общий период, включающий время выполнения работ на объекте и время междусменного отдыха (ч. 1 ст. 299 ТК РФ).

При вахтовом методе работы устанавливается суммированный учет рабочего времени за месяц, квартал или иной более длительный период, но не более чем за один год (ч. 1 ст. 300 ТК РФ).

Учетный период охватывает все рабочее время, время в пути от места нахождения работодателя или от пункта сбора до места выполнения работы и обратно, а также время отдыха, приходящееся на данный календарный отрезок времени (ч. 2 ст. 300 ТК РФ).

Исходя из приведенных положений ст.ст. 297, 299, 300 ТК РФ, а также положений п. 8 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьями 27 и 28 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 516, при осуществлении работы вахтовым методом, в том числе в районах Крайнего Севера, стаж работы исчисляется в календарном порядке, в него включаются как периоды рабочего времени непосредственно на объекте, так и периоды междусменного отдыха в вахтовом поселке, периоды междувахтового отдыха, время в пути от места нахождения работодателя или от пункта сбора до места выполнения работы и обратно. Поскольку междувахтовый отдых фактически представляет собой суммированное время ежедневного и еженедельного отдыха (неиспользованного и накопленного в период вахты), которое в силу специфики данного вида работы предоставляется после периода вахты, то время такого отдыха не исключается из общего календарного периода, образующего трудовой стаж, в том числе трудовой стаж в районах Крайнего Севера, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости. При этом обязанность вести учет рабочего времени и времени отдыха каждого работника, работающего вахтовым методом, по месяцам и за весь учетный период является обязанностью работодателя, который должен документально отражать условия такой работы, включая периоды междувахтового отдыха.

Судебные инстанции при разрешении исковых требований С. неправильно применили к спорным отношениям нормативные положения, регулирующие порядок и условия досрочного назначения страховой пенсии по старости, исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, вследствие чего пришли к ошибочному выводу о том, что в стаж работы С. в районах Крайнего Севера подлежит включению только время выполнения им работ на объекте и время в пути от места нахождения работодателя до места выполнения работы и обратно без учета периодов междувахтового отдыха.

Как следствие, не являлся предметом исследования судебных инстанций и не получил соответствующей оценки в судебных постановлениях довод С., приводимый им в судах первой и апелляционной инстанций, о том, что при включении в стаж работы в районах Крайнего Севера всего периода его работы вахтовым методом в акционерном обществе с учетом междувахтового отдыха стаж его работы в таких районах составит более 15 лет, в связи с чем выводы судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований С. неправомерны.

Поскольку судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций были приняты с существенными нарушениями норм материального права, повлиявшими на исход дела, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила эти судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2021 г. № 127-КГ20-10-К4)

19. Признание недействительным решения учреждения медико-социальной экспертизы об установлении гражданину инвалидности, оформленное справкой об этом, в соответствии с которой гражданину назначена пенсия по инвалидности, не может служить основанием для взыскания с такого гражданина излишне выплаченных ему пенсионным органом денежных средств без установления факта недобросовестности (противоправности) в действиях гражданина, которому назначены пенсионные выплаты по инвалидности.

Пенсионный орган обратился в суд с иском к К. о взыскании незаконно полученной пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты, ссылаясь на то, что на основании справки об инвалидности, выданной бюро медико-социальной экспертизы, 17 ноября 2015 г. К. была назначена социальная пенсия по инвалидности и ежемесячная денежная выплата в соответствии с Федеральным законом “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”. 30 мая 2016 г. в пенсионный орган из главного бюро медико-социальной экспертизы поступило письмо, в котором сообщалось, что по результатам проведенной проверки инвалидность К. не установлена, решение бюро медико-социальной экспертизы о признании К. инвалидом отменено, справка об инвалидности и карта индивидуальной программы реабилитации инвалида недействительны. С 1 июня 2016 г. в связи с утратой права выплата пенсии по инвалидности и единовременная денежная выплата К. прекращены. За период с 17 ноября 2015 г. по 31 мая 2016 г. переплата К. пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты составила 71 285,72 руб.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования пенсионного органа о взыскании с К. как неосновательного обогащения сумм излишне выплаченных ему пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты, суд первой инстанции исходил из того, что эти выплаты неправомерно получены К. в результате представления им пенсионному органу недействительной справки об установлении ему инвалидности. По мнению суда первой инстанции, довод К. об отсутствии его вины в переплате ему пенсии правового значения не име-

ет, поскольку в данном случае вопрос о наличии либо об отсутствии виновных действий со стороны ответчика не влияет на его обязанность возвратить необоснованно полученные денежные средства.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права ввиду следующего.

Исходя из положений ст.ст. 12, 24 Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”, ч. 5 ст. 8 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”, действовавших в период спорных отношений Правил признания лица инвалидом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95¹, Порядка организации и деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы, утвержденного приказом Минтруда России от 11 октября 2012 г. № 310н², признание гражданина инвалидом и установление группы инвалидности производятся федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы в рамках регламентируемой нормативными предписаниями процедуры исходя из комплексной оценки состояния организма гражданина. Учреждение медико-социальной экспертизы несет ответственность как за существо принятого решения, так и за соблюдение предусмотренного законом порядка признания граждан инвалидами, включая проверку представления необходимых для проведения экспертизы документов. Решение о признании гражданина инвалидом, оформленное справкой об инвалидности, является обязательным для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности.

Физические и юридические лица несут ответственность за достоверность сведений, содержащихся в документах, представляемых ими для установления и выплаты страховой пенсии. В случае, если представление недостоверных сведений или несвоевременное представление сведений, предусмотренных ч. 5 ст. 26 Федерального закона “О страховых пенсиях”, повлекло за собой перерасход средств на выплату страховых пенсий, фиксированной выплаты к страховой пенсии, виновные лица возмещают пенсионному органу причиненный ущерб в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (чч. 1 и 2 ст. 28 Федерального закона “О страховых пенсиях”).

¹Документ утратил силу с 1 июля 2022 г. на основании постановления Правительства РФ от 5 апреля 2022 г. № 588, которым утверждены новые Правила признания лица инвалидом, содержащие аналогичное правовое регулирование.

²Документ утратил силу с 14 июня 2021 г. на основании приказа Минтруда России от 30 декабря 2020 г. № 979н, которым утвержден новый Порядок организации и деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы, содержащий аналогичное правовое регулирование.

По смыслу положений подп. 3 ст. 1109 ГК РФ не считаются неосновательным обогащением и не подлежат возврату денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средств к существованию, в частности заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину для удовлетворения необходимых потребностей, и возвращение которых поставило бы гражданина в трудное материальное положение. Закон устанавливает исключения из этого правила, а именно: излишне выплаченные суммы должны быть получателем возвращены, если их выплата явилась результатом недобросовестности с его стороны или счетной ошибки. При этом добросовестность гражданина (получателя спорных денежных средств) презюмируется, следовательно, бремя доказывания недобросовестности гражданина, получившего названные в данной норме виды выплат, лежит на стороне, требующей возврата излишне выплаченных денежных сумм.

Согласно правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2018 г. № 10-П (далее — Постановление), гражданин, которому назначены пенсия по инвалидности и ежемесячная денежная выплата, не может ставиться перед безусловной необходимостью претерпевать всю полноту неблагоприятных последствий в случаях, если впоследствии выявляется незаконность принятого в отношении него решения, в том числе в связи с признанием представленной им справки об установлении инвалидности недействительной, — безотносительно к характеру нарушений, допущенных учреждением медико-социальной экспертизы, притом что сами эти нарушения не являются следствием противоправных действий гражданина (абз. 1 п. 4 Постановления).

Судебные органы, рассматривая в каждом конкретном деле вопрос о наличии оснований для взыскания денежных сумм в связи с перерасходом средств Пенсионного фонда РФ, обусловленным выплатой пенсии по инвалидности, назначенной на основе решения уполномоченной организации, признанного впоследствии недействительным ввиду допущенных при его принятии процедурных нарушений, обязаны, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения взыскания, исследовать по существу фактические обстоятельства данного дела, свидетельствующие о наличии либо отсутствии признаков недобросовестности (противоправности) в действиях лица, которому была назначена пенсия (абз. 9 п. 4 Постановления).

С учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права и изложенной правовой позиции Конституционного Суда РФ признание недействительными решения учреждения медико-социальной экспертизы об установлении гражданину инвалидности и, как следствие, справки об установлении гражданину инвалидности, выданной этим учреждением, в соответствии с которыми гражданину были назначены пенсия по инвалидности и ежемесячная денежная выплата, само по себе не может служить основанием для взыскания с такого гражданина излишне выплаченных пенсионным органом денежных средств без установления факта недобросовестности (противоправности) в действиях гражданина,

которому назначены пенсия по инвалидности и ежемесячная денежная выплата.

По данному делу юридически значимым являлось установление того, имела ли место со стороны К. недобросовестность (противоправность) при проведении в отношении него медико-социальной экспертизы и получении им справки об установлении инвалидности и, как следствие, получении им социальной пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты.

Поскольку добросовестность гражданина (в данном случае К.) при разрешении требований пенсионного органа о взыскании пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты презюмируется, суду первой инстанции следовало возложить бремя доказывания недобросовестности К. при получении статуса инвалида и предъявлении им в пенсионный орган справки об установлении инвалидности на пенсионный орган, требующий возврата названных выплат, т.е. на истца.

Суд первой инстанции, неправильно применив регулирующие спорные отношения нормы материального права, данные обстоятельства в качестве юридически значимых не определил и не устанавливал, сославшись в обоснование вывода о наличии оснований для удовлетворения исковых требований пенсионного органа лишь на факт признания недействительной справки об установлении К. инвалидности.

Суд апелляционной инстанции допущенные судом первой инстанции нарушения норм материального и процессуального права не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод судебных инстанций о наличии оснований для взыскания по требованию пенсионного органа с К. полученных им сумм пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты неправомерным, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 ноября 2019 г. № 5-КГ19-190)

20. В отсутствие принятого в установленном законом порядке решения о признании недействительной выданной гражданину справки об инвалидности наличие у пенсионного органа сомнений в достоверности сведений об имеющейся у гражданина инвалидности не является основанием для прекращения выплаты гражданину страховой пенсии по инвалидности.

Б. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения о прекращении выплаты страховой пенсии по инвалидности, возложении обязанности возобновить выплату этой пенсии.

В обоснование требований Б. ссылаясь на то, что он с 2013 года является инвалидом II группы и получателем страховой пенсии по инвалидности, с 2015 года инвалидность установлена бессрочно.

Решением пенсионного органа с 1 июля 2019 г. выплата страховой пенсии по инвалидности Б. прекращена на основании п. 3 ч. 1 ст. 25 Федерального закона “О страховых пенсиях” (в связи с утратой пенсионером права на назначенную ему страховую пенсию, а именно обнаружением обстоятельств или документов, опровергающих достоверность сведений, представленных в подтверждение

права на указанную пенсию) — так как на бумажном носителе сведения об освидетельствовании Б. на предмет наличия инвалидности не сохранились, по данным медицинского учреждения, Б. на медико-социальную экспертизу не направлялся.

По мнению Б., пенсионный орган незаконно прекратил выплату ему страховой пенсии по инвалидности, поскольку правомерность установления инвалидности и достоверность сведений, содержащихся в справке об инвалидности, подтверждены следственными органами.

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований Б., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что действия пенсионного органа по прекращению выплаты Б. страховой пенсии по инвалидности являются правомерными, поскольку пенсионным органом были обнаружены обстоятельства, подвергающие сомнению достоверность сведений о наличии у истца инвалидности II группы, установленной повторно в 2015 году бессрочно, указав на то, что имеются расхождения в датах освидетельствования Б., указанных в справке об инвалидности и в Единой автоматизированной вертикально-интегрированной информационно-аналитической системе по проведению медико-социальной экспертизы.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставаясь без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, счел содержащиеся в них выводы законными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального права, приведя следующее.

Исходя из нормативных положений Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”, действовавших в период спорных отношений Правил признания лица инвалидом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95¹, признание гражданина инвалидом с установлением ему группы инвалидности производится федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы в рамках регламентированной нормативными предписаниями процедуры исходя из комплексной оценки состояния организма гражданина. При этом учреждение медико-социальной экспертизы несет ответственность как за существо принятого решения, так и за соблюдение предусмотренного законом порядка признания граждан инвалидами, включая проверку представления необходимых для проведения экспертизы документов. Решение учреждения медико-социальной экспертизы о признании гражданина инвалидом, оформленное справкой об установлении инвалидности, является обязательным для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности.

¹Документ утратил силу с 1 июля 2022 г. на основании постановления Правительства РФ от 5 апреля 2022 г. № 588, которым утверждены новые Правила признания лица инвалидом, содержащие аналогичное правовое регулирование.

Согласно ст.ст. 21, 22, 25 Федерального закона “О страховых пенсиях”, правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 26 февраля 2018 г. № 10-П¹, выплата страховой пенсии по инвалидности, которая была назначена гражданину на основании решения учреждения медико-социальной экспертизы о признании такого гражданина инвалидом, оформленного справкой об установлении инвалидности, может быть прекращена пенсионным органом только в случае признания в установленном законом порядке (в административном или в судебном порядке) недействительной выданной такому гражданину учреждением медико-социальной экспертизы справки об установлении инвалидности либо в случае подтверждения в установленном законом порядке недействительности содержащихся в федеральном реестре инвалидов сведений о таком гражданине как инвалиде. Наличие у пенсионного органа, осуществляющего выплату гражданину страховой пенсии по инвалидности, не подтвержденной в установленном законом порядке информации об отсутствии у гражданина права на получение такой пенсии не может служить основанием для прекращения выплаты гражданину страховой пенсии по инвалидности.

Действующее правовое регулирование назначения и выплаты страховой пенсии по инвалидности, определяющее механизм реализации гражданами права на получение такой пенсии, не предполагает возможности произвольного применения его норм уполномоченным органом, который обязан проверить все предусмотренные нормативными положениями условия, необходимые для принятия решения о прекращении выплаты страховой пенсии по инвалидности. В частности, до принятия решения о прекращении выплаты пенсии пенсионный орган обязан проверить поступившую к нему информацию об отсутствии у гражданина права на страховую пенсию по инвалидности, в данном случае об отсутствии у гражданина инвалидности, установить, соответствует ли информация об отсутствии у гражданина инвалидности действительному положению дел и имеется ли принятое в установленном законом порядке (в административном или в судебном порядке) решение о признании недействительной справки об установлении инвалидности, выданной такому гражданину, а также решение о недействительности сведений о таком гражданине в федеральном реестре инвалидов. Наличие же у пенсионного органа сомнений в достоверности сведений об имеющейся у гражданина инвалидности не предусмотрено законом в качестве основания для прекращения выплаты страховой пенсии по инвалидности.

Суды первой и апелляционной инстанций положения норм права, регулирующих условия, порядок назначения и выплаты страховой пенсии по инвалидности, основания для прекращения выплаты этой пенсии в их взаимосвязи с нормативными положениями, определяющими порядок и

условия признания гражданина инвалидом, ответственность учреждений медико-социальной экспертизы за принятые ими решения о признании гражданина инвалидом, к спорным отношениям применили неправильно, не учли правовую позицию Конституционного Суда РФ о стабильности официально признанного государством статуса гражданина и приобретенных в силу этого статуса прав, в данном случае статуса инвалида и соответствующих этому статусу прав.

Судебные инстанции не приняли во внимание, что правомерность установления Б. учреждением медико-социальной экспертизы в 2015 году инвалидности II группы бессрочно в установленном законом порядке (в административном или в судебном порядке) не оспорена, справка об установлении Б. инвалидности, выданная учреждением медико-социальной экспертизы, недействительной не признана, следовательно, не опровергнут и факт того, что Б. является инвалидом, что дает ему право на получение страховой пенсии по инвалидности в соответствии с нормами Федерального закона “О страховых пенсиях”.

Указывая в обоснование вывода о правомерности решения пенсионного органа о прекращении выплаты Б. страховой пенсии по инвалидности на расхождение в датах освидетельствования Б., приведенных в справке об инвалидности и в Единой автоматизированной вертикально-интегрированной информационно-аналитической системе по проведению медико-социальной экспертизы, судебные инстанции не учли, что ответственность за надлежащее отражение информации в этой системе возложена на учреждение медико-социальной экспертизы, а не на гражданина, в отношении которого проводилась медико-социальная экспертиза.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Б. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального права не устранил.

С учетом приведенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод судебных инстанций о наличии у пенсионного органа оснований для прекращения выплаты Б. страховой пенсии по инвалидности не соответствующим закону, в связи с чем отменила принятое по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 марта 2021 г. № 41-КГ20-28-К4)

21. При разрешении спора о признании незаконными действий пенсионного органа по снижению гражданину размера страховой пенсии в целях устранения ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии, следует учитывать интересы гражданина, особенности его жизненной ситуации, продолжительность периода получения им пенсии в размере, ошибочно установленном ему пенсионным органом, и другие значимые обстоятельства, а также отсутствие со стороны гражданина каких-либо нарушений, приведших к неправомерному назначению и перерасчету пенсии.

С. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконными действий по снижению размера страховой пенсии по старости, об

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2018 г. № 10-П “По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”, пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, статей 1102 и 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Н. Горностаевой”.

обязании произвести перерасчет размера страховой пенсии по старости.

В обоснование заявленных требований С. ссылался на то, что с 2004 года является получателем трудовой пенсии по старости, со дня вступления в силу Федерального закона “О страховых пенсиях” 1 января 2015 г. — страховой пенсии по старости.

В сентябре 2020 г. пенсионным органом был уменьшен размер получаемой им страховой пенсии по старости ввиду устранения ошибки при определении стажевого коэффициента, допущенной при перерасчете ему пенсии с 1 января 2010 г. В качестве причины ошибки пенсионный орган указал недоработку программно-технического комплекса.

По мнению С., пенсионным органом ему необоснованно был снижен размер страховой пенсии по старости, являющейся для него единственным источником средств к существованию, данное снижение существенно влияет на его материальное положение.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований С. о признании незаконными действий пенсионного органа по снижению размера страховой пенсии по старости, возложении на пенсионный орган обязанности произвести перерасчет страховой пенсии по старости, суд первой инстанции указал на то, что перерасчет пенсии С., произведенный пенсионным органом, был вызван устранением ошибки, произошедшей по техническим причинам, в связи с чем пришел к выводу о том, что пенсионный орган, обнаружив ошибку, имел законные основания для перерасчета пенсии С. в сторону ее уменьшения.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, счел содержащиеся в них выводы законными и обоснованными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Статьей 6 Федерального закона “О страховых пенсиях” предусмотрено, что в соответствии с этим Федеральным законом устанавливаются следующие виды страховых пенсий: страховая пенсия по старости, страховая пенсия по инвалидности и страховая пенсия по случаю потери кормильца.

Размер страховой пенсии по старости определяется по формуле, приведенной в ч. 1 ст. 15 Федерального закона “О страховых пенсиях”.

В случае обнаружения органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, ошибки, допущенной при установлении и (или) выплате страховой пенсии, установлении, перерасчете размера, индексации и (или) выплате фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии), производится устранение данной ошибки в соответствии с законодательством Российской Федерации. Установление указанной пенсии или выплаты в размере, предусмотренном законодательством Российской Федерации, или прекращение выплаты указанной пенсии или выплаты в связи с отсутствием права на них производится с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором была обнаруже-

на соответствующая ошибка (ч. 4 ст. 28 Федерального закона “О страховых пенсиях”).

Совершение органами, осуществляющими пенсионное обеспечение, при установлении пенсий тех или иных ошибок, в том числе носящих технический характер, — учитывая необходимость оценки значительного числа обстоятельств, с наличием которых закон связывает возникновение права на пенсию, включая проверку представленных документов и проведение математических подсчетов, — полностью исключить невозможно. Определение правовых способов исправления таких ошибок независимо от срока, прошедшего после их совершения, — право и обязанность государства. В случае выявления ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии гражданину, — при отсутствии с его стороны каких-либо виновных действий, приведших к неправомерному назначению пенсии, — бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением выявленной ошибки, должно распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключающего формальный подход, и с учетом особенностей жизненной ситуации, в которой находится гражданин, продолжительности периода, в течение которого он получал назначенную по ошибке пенсию, и других значимых обстоятельств (абз. 1, 4 п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 1-П).

Из положений Федерального закона “О страховых пенсиях” и правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в Постановлении от 14 января 2016 г. № 1-П, следует, что законом предусмотрена возможность исправления ошибки, допущенной пенсионным органом при установлении или перерасчете размера пенсии. При этом необходимо соблюдение баланса публичных и частных интересов, вследствие чего бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением выявленной ошибки, должно распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключающего формальный подход. В связи с этим при разрешении вопроса об исправлении такой ошибки в случае отсутствия со стороны пенсионера каких-либо виновных действий, приведших к неправомерному назначению или перерасчету пенсии, должны учитываться интересы пенсионера, особенности жизненной ситуации, в которой он находится, его возраст, продолжительность периода получения им пенсии в размере, ошибочно установленном ему пенсионным органом, и другие значимые обстоятельства.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении спора подлежащие применению к спорным отношениям нормы материального права и правовые позиции Конституционного Суда РФ во внимание не приняли, ограничившись выводом о том, что пенсионный орган, обнаружив произошедшую по техническим причинам ошибку, имел законные основания для перерасчета размера пенсии С. в сторону уменьшения.

Судебные инстанции не учли, что при определении правовых последствий допущенной пенсионным органом ошибки при перерасчете С. пенсии должны приниматься во внимание срок, в течение которого ошибка не была пенсионным органом выявлена и устранена, возраст С., его интересы, добросовестность его действий. Эти обстоятельства не вошли в предмет доказывания по делу и не получили соответствующей правовой оценки судов

первой и апелляционной инстанций в нарушение положений ст.ст. 56 и 67 ГПК РФ.

Между тем С. приводил доводы о том, что он родился в 1953 году, длительное время (с 1 января 2010 г., т.е. более 10 лет) получал пенсию по старости в ошибочном, как полагал ответчик, размере; его право на пенсионное обеспечение должно было быть реализовано в соответствии с принципами поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, в связи с чем одностороннее изменение пенсионным органом размера его страховой пенсии по старости в сторону уменьшения существенно нарушило его пенсионные права и повлияло на его материальное положение.

Этим доводам С. судебными инстанциями надлежащая правовая оценка не дана, тем самым был допущен формальный подход к разрешению настоящего спора, вследствие чего на С. было возложено бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением допущенной пенсионным органом ошибки при перерасчете ему пенсии с 1 января 2010 г., притом что со стороны истца отсутствовали какие-либо виновные действия.

При таких обстоятельствах выводы судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований С. о признании незаконными действий пенсионного органа по снижению размера страховой пенсии по старости являются неправомерными.

Суд кассационной инстанции, проверяя по кассационной жалобе С. законность судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 августа 2022 г. № 44-КГ22-11-К7)

22. При производстве удержаний из пенсии должника-гражданина должны соблюдаться государственные гарантии по обеспечению прав граждан в области пенсионного обеспечения в целях защиты их прав на пенсию с учетом ее значения для поддержания материальной обеспеченности и удовлетворения основных жизненных потребностей пенсионера.

С. в соответствии с ч. 20 ст. 21 Федерального закона «О страховых пенсиях» обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконными действий по удержанию из пенсии денежных средств с июня по сентябрь 2020 г., возложении обязанности возратить удержанные из пенсии денежные средства в размере 26 619,48 руб.

В обоснование требований С. указывал, что с 2018 года является получателем страховой пенсии по старости, размер пенсии составляет 13 309,74 руб. Однако с июня по сентябрь 2020 г. пенсионный орган перечислял страховую пенсию на банковскую карту С. в меньшем размере — 6654,87 руб. (50% от назначенной суммы пенсии).

Обратившись в пенсионный орган по вопросу удержаний из пенсии, С. получил ответ о том, что удержание из пенсии производится на основании постановления судебного пристава-исполнителя

об обращении взыскания на пенсию от 19 марта 2020 г.

С. считал незаконными действия пенсионного органа по удержанию 50% денежных средств из назначенной ему пенсии, не отвечающими принципу неприкосновенности минимума имущества — необходимого для должника-гражданина и членов его семьи. В результате произведенных пенсионным органом удержаний из пенсии он и его семья, включая внучку, оставшуюся без попечения родителей, были поставлены в крайне тяжелое материальное положение, поскольку он и его жена являются неработающими пенсионерами и пенсия для него — единственный источник средств к существованию, при этом сумма пенсии, выплачиваемая с учетом удержаний из нее по исполнительному документу, меньше величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства С.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований С., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что пенсионный орган правомерно принял к исполнению постановление судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на пенсию С. в размере 50%, поскольку действующее законодательство не содержит запрета на обращение взыскания на такой вид дохода должника, как пенсия по старости, и удержание из пенсии С. производилось ответчиком в допустимом размере.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнив их суждением о том, что действующее законодательство не предоставляет пенсионным органам, исполняющим требования исполнительных документов, право самостоятельно определять процент удержания из пенсии должника-гражданина путем снижения этого процента, установленного судебным приставом-исполнителем.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального или процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, отметив следующее.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, в случае, если пенсия является для должника-гражданина единственным источником существования, необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и должника-гражданина требует защиты прав последнего путем сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни. По смыслу ч. 2 ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» во взаимосвязи с его ст. 4, конкретный размер удержания из заработной платы и иных доходов должника при исполнении исполнительного документа подлежит исчислению с учетом всех обстоятельств дела, при неукоснительном соблюдении таких принципов исполнительного производства, как уважение чести и достоинства гражданина и неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина.

данина и членов его семьи (Постановление Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П, Определения Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1325-О-О, от 15 июля 2010 г. № 1064-О-О, от 22 марта 2011 г. № 340-О-О, от 17 января 2012 г. № 14-О-О, от 19 июля 2016 г. № 1713-О и др.).

Исходя из положений ст.ст. 1, 29 Федерального закона “О страховых пенсиях” (о целях этого Федерального закона и об основаниях и порядке удержаний из страховой пенсии), ст. 4 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”¹ (о принципах, на которых осуществляется исполнительное производство), Соглашения об информационном взаимодействии, заключенное 23 июня 2016 г. между Федеральной службой судебных приставов и Пенсионным фондом РФ, при производстве удержаний из пенсии должника-гражданина на основании исполнительного документа должны соблюдаться государственные гарантии по обеспечению прав граждан в области пенсионного обеспечения в целях защиты их прав на страховую пенсию с учетом особого ее значения для поддержания материальной обеспеченности и удовлетворения основных жизненных потребностей пенсионеров.

Разделом III названного Соглашения установлены особенности взаимодействия территориальных органов Федеральной службы судебных приставов (далее — ФССП России) с территориальными органами Пенсионного фонда РФ, в рамках которого:

территориальные органы ФССП России получают от территориальных органов Пенсионного фонда РФ уведомления с указанием причин о невозможности исполнения постановлений, а также информацию об удержании и перечислении денежных средств должника в пользу взыскателя (п. 3.1.3 Соглашения);

территориальные органы Пенсионного фонда РФ получают от ФССП России постановления в форме электронного документа (п. 3.2.1); уведомляют территориальные органы ФССП России посредством системы межведомственного электронного взаимодействия о невозможности исполнения постановления с указанием причин, в числе которых поступление постановления на взыскание из видов доходов, на которые не может быть обращено взыскание в соответствии со ст. 101 Федерального закона “Об исполнительном производстве” (подп. “е” п. 3.2.2 Соглашения), иные причины, определенные Федеральным законом “Об исполнительном производстве” (подп. “к” п. 3.2.2 Соглашения).

¹С 1 февраля 2022 г. п. 4 ст. 4 Федерального закона “Об исполнительном производстве” действует в редакции Федерального закона от 29 июня 2021 г. № 234-ФЗ, согласно которой исполнительное производство осуществляется на принципе неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, в том числе сохранения заработной платы и иных доходов должника-гражданина ежемесячно в размере прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства должника-гражданина для соответствующей социально-демографической группы населения, если величина указанного прожиточного минимума превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

По общему правилу, при исполнении исполнительного документа с должника-гражданина, являющегося пенсионером, может быть удержано не более 50% пенсии. При этом законодательство об исполнительном производстве и законодательство о пенсионном обеспечении прямо не предусматривают минимальный размер пенсии, подлежащий сохранению за должником-гражданином при обращении на нее взыскания. Вместе с тем возможна ситуация, при которой пенсия является для должника-гражданина единственным источником средств существования. В таком случае необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и должника-гражданина требует защиты прав последнего не только путем соблюдения стандартов правовой защиты, отражающих применение мер исключительно правового принуждения к исполнению должником-гражданином своих обязательств, но и сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня материальной обеспеченности для их нормального существования, и реализацию их социально-экономических прав, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни.

Для соблюдения названных целей и принципов пенсионному органу как исполняющему публичные функции в силу своей компетенции при поступлении исполнительного документа об обращении взыскания на пенсию должника-гражданина необходимо дать правовую оценку возможности удержания денежных средств из пенсии должника-гражданина в указанном в исполнительном документе размере и уведомить соответствующий территориальный орган службы судебных приставов посредством системы межведомственного взаимодействия о невозможности удержаний из пенсии должника-гражданина в указанном в исполнительном документе размере и, соответственно, о невозможности исполнения исполнительного документа, поскольку при его исполнении могут быть нарушены такие основные принципы исполнительного производства, как уважение чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи. Пенсионному органу также необходимо уведомить должника-гражданина о поступлении такого исполнительного документа.

Невыполнение пенсионным органом названных действий и последующее удержание пенсионным органом из пенсии должника-гражданина денежных средств в размере, указанном в исполнительном документе, приведшее к тому, что должник-гражданин и лица, находящиеся на его иждивении, лишаются необходимого уровня материальной обеспеченности для их нормального существования, дает такому должнику-гражданину право ставить вопрос о признании незаконными действий пенсионного органа по удержанию денежных средств из его пенсии и в связи с этим о возврате незаконно удержанных из его пенсии денежных средств применительно к положениям главы 59 ГК РФ.

Судебные инстанции не применили к спорным отношениям нормативные положения об основаниях и порядке удержания денежных средств из пенсии должника-гражданина, в связи с чем не установили юридически значимые обстоятельства: каков размер пенсии С.; является ли пенсия единственным источником средств существования С.;

каков состав семьи С. и имеются ли лица, находящиеся на его иждивении; какая сумма пенсии останется у С. после производства из нее удержаний в размере, указанном в исполнительном документе, и каков будет уровень материальной обеспеченности С. и лиц, находящихся на его иждивении, после производства из пенсии С. удержаний по исполнительному документу; какие действия были предприняты пенсионным органом по защите прав С. на страховую пенсию в размере, необходимом для его нормального существования, а также нормального существования лиц, находящихся на его иждивении.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии предусмотренных действующим законодательством оснований для удовлетворения исковых требований С. не соответствующими закону, в связи с чем отменила принятые по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 июля 2023 г. № 71-КГ23-3-КЗ)

23. Суд не вправе создавать для пенсионного органа необоснованные преимущества при разрешении спора, связанного с реализацией гражданином права на пенсионное обеспечение.

Ч. обратился в суд с иском к пенсионному органу о включении периода его работы с 1978 по 1982 год в должности старшего продавца в райпищеторге в страховой стаж и назначении ему страховой пенсии по старости.

В ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции было удовлетворено письменное заявление Ч. о направлении судебного запроса в профсоюз работников торговли о предоставлении сведений о том, являлся ли членом профсоюза работников торговли в спорный период Ч., а также уплачивались ли Ч. членские профсоюзные взносы.

На судебный запрос суда первой инстанции профсоюз работников торговли письменно сообщил о том, что Ч. работал в должности старшего продавца райпищеторга с 1978 по 1982 год, являлся членом профсоюза работников госторговли и потребкооперации, выплачивал членские профсоюзные взносы в размере одного процента месячного заработка.

Возражений или несогласия с содержанием ответа на запрос суда со стороны представителя пенсионного органа, участвовавшего в судебном заседании суда первой инстанции, заявлено не было.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Ч., суд первой инстанции определил спорный период подлежащим включению в страховой стаж Ч., исходя из представленного ответа профсоюза работников торговли, и возложил на пенсионный орган обязанность назначить Ч. страховую пенсию по старости с момента возникновения права.

Не согласившись с решением суда первой инстанции, пенсионный орган подал апелляционную жалобу, ссылаясь в качестве основания к отмене решения суда первой инстанции на то, что ответ профсоюза работников торговли не мог быть принят судом первой инстанции в качестве допустимого доказательства.

В то же время представитель пенсионного органа в суде первой инстанции не высказывал возражений или несогласия с содержанием ответа профсоюза работников торговли, не возражал против использования названного ответа как доказательства по делу, не заявлял в суде первой инстанции каких-либо ходатайств, связанных с признанием этого документа недопустимым, недостоверным, подложным доказательством, или ходатайств об истребовании документов для его дополнительной проверки. Соответственно, именно на этом документе были основаны выводы суда первой инстанции об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения об удовлетворении исковых требований Ч.

Подобное процессуальное поведение ответчика (пенсионного органа) не было расценено судом апелляционной инстанции исходя из разъяснений, содержащихся в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, как злоупотребление пенсионным органом своими процессуальными правами.

Более того, при рассмотрении дела по апелляционной жалобе пенсионного органа суд апелляционной инстанции по собственной инициативе в отсутствие ходатайства представителя пенсионного органа истребовал копию пенсионного дела истца, расчет его индивидуального пенсионного коэффициента, а также направил запрос в профсоюз работников торговли о предоставлении дополнительных доказательств по делу (копий документов, на основании которых был дан ответ профсоюзом работников торговли в суд первой инстанции).

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований Ч., суд апелляционной инстанции указал, что из поступившего по его запросу ответа профсоюза работников торговли следует, что запрошенные судом апелляционной инстанции документы в распоряжении профсоюза работников торговли отсутствуют, данные документы находятся в перечисленных в ответе архивах, в связи с чем суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что никаких документов в подтверждение факта работы истца в спорный период в материалы дела не представлено и у суда первой инстанции не имелось оснований для удовлетворения исковых требований Ч.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебное постановление суда апелляционной инстанции, не установил нарушения либо неправильного применения судом апелляционной инстанции норм материального права или норм процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления суда апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав, что суд апелляционной инстанции, принимая отличное от суда первой инстанции решение, не располагал наряду с письменным ответом профсоюзов работников торговли, данным суду первой инстанции, иными документами, касающимися спорного периода работы Ч. Ответ профсоюза работников торговли, полученный по запросу суда апелляционной инстанции, не содержит иной информации о спорном периоде рабо-

ты Ч., чем ответ данной организации, направленный в суд первой инстанции, при этом суд апелляционной инстанции не произвел запросы в архивы для получения дополнительных сведений и отклонил ходатайство представителя Ч. о направлении запросов в архивы.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что выводы суда апелляционной инстанции не соответствуют требованиям п. 5 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ, поскольку не основаны на установленных по делу обстоятельствах.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также сочла необходимым отметить, что действия суда апелляционной инстанции по истребованию по собственной инициативе дополнительных доказательств в нарушение положений ст. 327¹ ГПК РФ и разъяснений, приведенных в п. 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде

апелляционной инстанции”, и отказу в удовлетворении ходатайства истца о направлении запросов в архивы о предоставлении сведений о спорном периоде его работы привели к тому, что при рассмотрении настоящего дела, в котором разрешался спор, связанный с реализацией гражданином права на пенсионное обеспечение, на стороне пенсионного органа были созданы необоснованные преимущества, приведшие к нарушению основополагающих принципов гражданского судопроизводства — состязательности и равноправия сторон, а также его задач и смысла, установленных ст. 2 ГПК РФ, и права Ч. на справедливую судебную защиту, гарантированную каждому ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 марта 2024 г. № 78-КГ23-61-К3)

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), Астахов С.В., Борисова Е.Е., Глазов Ю.В., Давыдов В.А., Дзыбан А.А., Журавлева Е.М., Иваненко Ю.Г., Момотов В.В., Нефедов О.Н., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилов О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 31.10.2024. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,16. Тираж 7062 экз. Заказ 102-2024.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
